

Лев Кассиль

Будьте готовы, Ваше высочество

Глава I

Принц из Джунгахоры

— Так. Принца вот только мне и не хватало, — сказал начальник лагеря в телефонную трубку.

Все поглядели па начальника. Кое-кто не совсем расслышал его слова. Другие подумали, что он шутит, — начальник слыл по всему побережью человеком веселым. Впрочем, сейчас ему, видно, было не до смеха. Должно быть, из Москвы, откуда срочный телефонный вызов неожиданно прервал заседание в кабинете начальника пионерского лагеря «Спартак», сообщили действительно что-то важное. И, верно, там, в Москве, тоже не совсем хорошо разобрали, что ответил начальник, потому что он повторил громко, с хмурой усмешкой поглядев на сидевших в кабинете:

— Я говорю, вот принца только как раз в нашем хозяйстве не доставало.

Но в Москве, должно быть, не были расположены к шуткам. «Кхя-кых-кагых-кыкыр», — строго и отрывисто прокаркала трубка, и директор четко проговорил в телефон:

— Ясно. Я вас понял.

Потом он сделал знак сидевшему рядом с ним бухгалтеру, чтобы тот прикрыл окно. Прибой в этот день был шумный. Бухгалтер товарищ Макарычев плотно закрыл окно, выходящее прямо на море. В комнате сразу стало тихо и душно, но волны, подбегая под самый домик начальника, словно из любопытства вскидывались на цыпочки, стараясь заглянуть в окно.

Начальник Михаил Борисович Кравчуков отнял телефонную трубку от уха. Некоторое время смотрел он в ее чашечку, словно ждал, не выскочит ли еще что-нибудь из нес, а потом с размаху бросил трубку на рога старомодного, похожего на маленького оленя аппарата. Бросил и повернулся к сидевшим в комнате.

Вид у начальника был неважный, но он бодрился, надул щеки, покачал головой, подмигнул сам себе...

— Ну, поздравляю, — сказал он. — Как это там у Гоголя в «Ревизоре»?.. Должен сообщить пренеприятное известие... К нам едет принц.

— То есть в каком это смысле? — спросил товарищ Макарычев.

— В самом обыкновенном. Точнее сказать — в самом необыкновенном. Принц. Нормальное его королевское высочество, будь он неладен! Младший брат джунгахорского короля, ныне здравствующего, царствующего и прочая и прочая, и так далее и тому подобное, и так его и эдак! Наследный принц престола. А?.. В «Артек», что ли, позвонить? Пусть поделятся опытом. У них уже там жили какие-то принцы и принцессы из Лаоса или из Камбоджи, кажется. Сообщали об этом. М-да, всю жизнь мечтал воспитывать у себя в пионерлагере августейших особ...

— А почему августейших? — встрепнулся бухгалтер. — Сейчас же еще июль. Это что же, в счет августовского плана заезда?

— Ох, товарищ Макарычев, — вздохнул начальник с усмешкой, — ты что, только календари и инструкции в жизни читал?

— Зачем же, — обиделся тот. — Неверно заявляете, Михаил Борисович, я и в газету гляжу, что ни день — прорабатываю...

Начальник только рукой махнул.

Глава II

Совершенно секретная

Только для детей до 16 лет. (Примеч. автора.)

Теперь стоп! Минутку! Знаю, знаю я отлично, дорогие вы мои мальчишки и девчонки, что предисловий к книгам вы вообще никогда не читаете. Но на этот раз я вас очень прошу: обязательно прочтите его. Для того я и всунул это вступление в серединку. Кроме того, я не хотел, чтобы его читали взрослые. А то взрослые обязательно станут скучно и назойливо спорить с вами, уверяя, что все в этой книжке только сказка и ничего подобного на свете не происходило в самом деле. И даже страны такой, Джунгахоры, тоже будто бы нет. Они станут тыкать вас в карту носом и твердить при этом, что все это выдумка, ничего больше...

Прошу вас, не спорьте! Делайте вид, что вы соглашаетесь. Ладно, пусть себе считают все это сказкой. Нам с вами так будет даже лучше и спокойнее. А то пойдут еще всякие разговоры, начнутся уточнения: где, да что, да кто и откуда. И, возможно, возникнут еще какие-нибудь дипломатические осложнения и пойдут международные, так сказать, неприятности. Нет уж, пусть лучше взрослые думают, что все это только сказка. А вам, одним лишь вам, я скажу по секрету, что все это совсем не выдумка, никакая это не сказка, так все и было, как я написал в этой книге. Только мне пришлось пока что изменить название страны, которую я имею в виду, чуточку переместить ее на географической карте и дать некоторым героям моей правдивой повести другие имена.

Но все остальное — правда истинная, правда суцая и ничего, кроме правды. Скажу вам больше того, друзья! Я обещаю, как только можно будет, открыть подлинное название страны Джунгахоры, показать вам ее на карте. И, знаете, я твердо верю, что смогу это все сделать, до того как вы сами станете взрослыми и, чего доброго, начнете еще утверждать, будто все удивительное и неизвестное вам на свете — это сказки. Обещаю вам!

А пока — стоп! Тихо! Пусть себе взрослые думают, что вы читаете сказку.

Глава III

Передается важное сообщение

Итак, в пионерском лагере «Спартак», расположенном на побережье Черного моря, стало известно, что вместе с нашими ребятами будет отдыхать настоящий принц из Джунгахоры.

Вообще-то начальник Михаил Борисович не хотел придавать этому особое значение и заранее оповещать ребят о приезде не совсем обычного гостя. Но во время разговора по

телефону с Москвой он, попросив закрыть окно в кабинете, не заметил, что сквозняком приоткрыло дверь, а в дверях стоял некто, по имени Тараска и по фамилии Бобунов. Этого маленького и круглощекого пионера знал весь «Спартак», и он знал решительно всех, потому что более пронырливого и разговорчивого мальчишки не было в лагере, а может быть, и на всем побережье Черного моря. Недаром его звали и Тарасконом из Тартарена, и Трензелем-бубном, и Транзистором, и Тарантеллой, и Тарантасом. Заметив его наконец в дверях своего кабинета, начальник горестно махнул головой:

— Так. Ты уже, конечно, тут как тут. Слушай, Тарас, ты можешь не болтать о том, что слышал, до поры до времени? Пока, понимаешь, то да се...

— До поры-времени могу, — сказал Тараска твердо.

Но пора да время наступили для Тараски тотчас же, как только он оказался за дверью кабинета. Правда, сперва он решил быть верен обещанию, которое дал начальнику. Ему было даже лестно, что вот, скажем, идет он, пионер Тарас Бобунов, совершенно обыкновенный с виду и не всеми даже в достаточной мере уважаемый, идет — и никто не знает, какой важной, может быть, даже государственной тайной он облечен. Прошли навстречу двое ребят из верхнего лагеря. Прошли, бедняги, даже не подозревая о том, что знает он, Тарас. А принц тем временем едет!

Но вскоре тайна эта стала прямо-таки лезть из него. Тайна стала чесаться в ухе, корябаться в горле, как ни откашливался Тараска. Она сушила губы, которые приходилось то и дело облизывать языком. А языку было уже совсем скверно. Он так и елозил во рту, каждую минуту грозя сболтнуть что-нибудь такое, что даст вырваться на волю подслушанному секрету.

В конце концов Тараска сдался и, влекомый тайной, направился в свою палатку номер четыре. Здесь жили самые закаленные, самые дружные пионеры, заслужившие право обитать в палатках на берегу, а не в парковых дачах.

Волна на море была в этот день большая, и ребята не купались. Мальчишки занимались своими делами. Одни что-то мастерили, другие решали у входа в палатку кроссворды, третьи играли в шахматы на скамье возле палаток.

— Ну, ребята, — начал Тараска (голос его таил что-то совершенно необыкновенное), — если обещаете без шума, грома, тарарама и вытерпите помолчать до поры до времени, я вам такое сейчас скажу, что закачаетесь. Только это секрет, предупреждаю.

Никто даже не посмотрел на Тараску. Все продолжали заниматься своими делами. Только кто-то, находившийся в палатке номер четыре, буркнул оттуда:

— Хо! Можно себе представить!

— Пожалуйста, считайте меня трепачом. — Тараска повернулся к палатке.

— Мерси вам за разрешение, мы и без того считаем, — послышалось из-за брезентовой стенки.

— Да пожалуйста. И звонарем.

— Тоже учтем, — донеслось из палатки.

— И Тарасконом, Тарантасом, как хотите.

— И это нам известно, — неумолимо ответствовала палатка.

— А теперь вот вы все убедитесь раз навсегда, что я говорю только правду.

Тараска твердил все это в стенку палатки, но сам косил глаза назад, туда, где сидели ребята.

— Может, хватит тархтеть? — Ярослав Несметнов, самый солидный из пионеров четвертой палатки, поднял голову от шахматной доски, на которой он только что дал мат своему партнеру.

— Вы же сами не даете сказать, — взмолился Тараска. — Так вот имейте в виду: у нас будет жить принц. Из Джунгахоры.

Тут и те, кто только что лениво посматривал на Тараску, отвернулись.

— Силен! А короля не ожидают?

— Нет, батька его, король, уже давно помер. Я у Юры-вожатого спросил. А королем у них царствует брат старший. А он сам еще принц пока наследный.

— Ишь ты, наследный... Где же это он наследил? Слава Несметнов тем временем снова расставлял шахматные фигуры на доске, готовясь к следующей партии. Мальчишка, читавший на пороге соседней палатки, оторвавшись от книги, с насмешливым недоумением поглядел на Тараску. Вообще особенного шума, грома, тарарама не получилось. Если бы Тараска сообщил, что приехал младший брат знаменитого вратаря Льва Яшина, ожидаемый в лагере уже не первый год, хотя кое-кто из маловеров уверял, будто у Яшина вообще нет брата, — вот тогда бы шума было куда больше.

— Ну и что с того, что принц? — охладил Тараску Слава Несметнов. — Ну и пусть поживет себе на здоровье. Жалко, что ли? У них там небось насчет пионерлагерей не очень-то.

— Цаца какая — принц, что с того? — поддержал его партнер.

— А он, что ли, виноват, если принцем родился? — упрямылся Тараска.

— Мог бы отречься, в конце концов, если он сам против монархизма.

Тут уж Тараска, который почему-то решил заранее взять принца под свою защиту, возмутился:

— Откуда ты знаешь?! Дай срок, может быть, он отречется, когда ему заступать надо будет на этот... как его... трон, что ли. Ну, в общем, на престол.

Мальчик, читавший на пороге палатки книжку, поглядел на всех внимательно:

— Ребята, а где эта самая Джунгахора, между прочим, — в Африке или в Австралии?

— Заехал, ау! — осадил его Несметнов. — На обратном пути не заблудись.

Но тот встал, потянулся:

— Я все-таки в библиотеку сгоняю — там справочник есть по всем странам, с фестиваля еще остался. Так и называется: «Коротко о странах».

— Правильно, — сказал Ярослав Несметнов, не отрываясь от доски. — Коротко и ясно. Между прочим, — проговорил он, обращаясь уже к своему партнеру, — не знаю, как принц, а королеву твою я ем.

— Из-за тебя зевнул, Транзистор! — Проигравший сердито обернулся к Тараске. — Кажется, ясно видишь, трудная позиция на доске, а балабонишь тут! — И он обеими ладонями сгреб в кучу шахматы. Ярослав поднялся. — Значит, принц, говоришь. Так. А разговаривать с ним как будем?

— Можешь не беспокоиться, — заторопился Тараска. — Порядок будет. Договоримся.

— Это ты договоришься?

— А что? Могу! Мир и дружба! Фройндшафт! Или это... Хинди руси, бхай-бхай!..

— Он тебе покажет бай-бай!..

— А я, в случае чего, знаю по-английски, — заверил неудачливый шахматист, снова расставлявший фигуры на доске. — Гуд монинг — доброе утро! Потом гуд дей — добрый день. Гуд ивнинг — добрый вечер.

— А потом — покойной ночи? Гуд найт? Глядишь, и день прошел, вот и поговорили. — Ярослав сел и сделал ход пешкой.

— Слава, — осторожно начал Тараска, — на крайний случай я еще по-французски могу: месье и адье.

— Я тебе дам: «адье»! — пригрозил Слава. — Тут встречать надо, а он адье.

— Я все-таки для порядка спрошу: «Парле ву франсе?»

— А если он — парле? Что ты дальше делать будешь?

— Я тогда ему вмажу по-кубински: «Патриа о муэрте!». Отечество или смерть! Пусть видит, что мы не какие-нибудь отсталые, темные. Могу, если надо, и по-итальянски: «Бона сера!»

— Уйди ты отсюда, бона-балабона!

Не слишком восторженно отнеслись к сообщению Тараски и девочки.

Они сидели на крылечке большой белой дачи. Кто вязал, кто читал, кто раскладывал на

ступеньках коллекцию камешков, собранных на пляже.

— Девочки, — сказал Тараска вкрадчиво и многозначительно, — должен вас проинформировать. Только тихо, без визга, пожалуйста. — Он заранее зажал уши ладонями и только потом сообщил новость о предстоящем приезде принца.

Но никакого визга не последовало. Тарарама не получилось и тут.

Тараска даже отнял ладони от ушей и с удивлением поглядел на девочек.

— Ври! — сказала самая рослая из них. Все звали ее Тонидой, хотя на самом деле имя ее было Антонида.

Тоня Пашухина приехала из детского дома, расположенного неподалеку от волжского города Горького. Ее премировали поездкой в «Спартак» за очень хорошую общественную работу. Она придумала в детдоме и школе «пункт неотложной товарищеской помощи». Туда поступали немедленные сообщения о всяческих обидах, неприятностях и разных трудных делах, без которых, как известно, не обходится жизнь ребят. И комитет скорой помощи сейчас же брался за работу, чтобы не дать человека в обиду, чтобы поправить поскорей его дела. Стройенькая, точная и ловкая в каждом движении, строгобровая, с несколько медлительным взглядом из-под длинных ресниц, говорившая негромко и веско, с упором по-волжски на «о», Тонида сразу же завоевала авторитет среди лагерных девчонок. Они считали ее самой справедливой, но чуточку побаивались, так как она не любила девчачьих нежностей, и если кто из подружек с визгом бросался к ней на шею, после того как она показывала какой-нибудь физкультурный фокус в море, сразу слышалось: «Отлипни. Не мусолься...» И Тонида сурово высвобождалась из объятий подруг.

Мальчишки предпочитали уважать Тониду издали, так как после первой же попытки подразнить ее почувствовали на себе крепость ее характера и кулаков. А она, на зависть всем, плавала, как дельфин, лучше всех умела «печь блины» брошенным вскользь по поверхности моря камешком. А однажды на спор с мальчишками прыгнула в Лягушачьей бухте с высокой скалы прямо в воду под визг подруг и восхищенный свист палаточников. После этого у нее был, правда, не очень приятный разговор с начальником.

— Так у нас, дева прекрасная, не пойдет, — сказал ей тогда Михаил Борисович. — Если тебе своей жизни не жалко, то моей посочувствуй. Я за тебя в ответе. И у меня тут не альпинистский лагерь, и эти самые скалозубы да скалолазы тут мне ни к чему. Свернешь шею, разобьешься, что тогда?

— Ну и что с того? — отвечала ему на это Тонида. Она говорила низким грудным голосом, упрямо окая. — Ну и что с того, — сказала начальнику Тонида, — кого это больно-то касается? Кому я уж очень надобна?

И тогда начальник вышел из-за своего стола, посадил Тониду, взяв ее за плечи, в большое кресло, сам сел перед ней, принял осторожно ее руки в свои сильные, большие ладони, сложенные вместе.

— Нехорошо... Нехорошо говоришь. Не то. И рассуждаешь неумно. Знаю я твою историю, знаю, что выросла ты без родительской ласки. Не одной тебе досталось это. Через трудное время народ у нас прошел. Много отцов, матерей война отняла...

— У меня не война, — сказала Тонида.

— Знаю. Знаю, дорогая ты моя, что у тебя отца с матерью отняло. Но разыскали их след, и фамилию разузнали. Имя доброе их восстановили законно. Их фамилию ты носишь, и с честью носишь, сколько мне известно. И разве нет у тебя подруг, товарищей? Что это за разговор такой, Пашухина: «Не очень надобна»? Как тебе не совестно! От тебя это все зависит — будешь ты нужна людям или только так, для себя жить станешь. А я ведь про все хорошие затеи у вас там под Горьким слышал и в «Пионерке» про тебя читал и запомнил. Фамилию твою в списке смены прочел, когда ты приехала, обрадовался. Вот, думаю, сама Антонида Пашухина к нам пожаловала. А ты дуришь... Что же ты сама себя так мало уважаешь, лезешь куда не надо, на глупый риск? Честное слово, не дело это, Тоня. Не надо так...

Ее звали еще в лагере Тонидой Торпедой или Боеголовкой, потому что девчонки

послушно следовали за ней, ощущая в своей атаманше какую-то справедливую, хотя иной раз грубоватую властность. Сейчас она глядела на Тараску из-под своих густых, почти сросшихся на переносице бровей, всегда придававших ей непреклонный вид.

— Подумаешь, принц! — проговорила она и, сняв с макушки полукруглую гребенку, провела ею по волосам со лба назад, словно забрало шлема откинула. Большие серые глаза с вызовом и неудовольствием оглядели Тараску, который даже поежился от этого взгляда и пожалел, что явился к девочкам. — Мне-то что до того? — продолжала Тонида. — Можешь передать твоему принцу, когда он приедет, что мы к нему в подданные покуда записываться не собираемся.

— Докатились, в общем, — сказала одна из самых ехидных девчонок лагеря, Зюзя Махлакова, — скоро уже царей в пионерлагеря принимать начнут.

— А я думала, — сказала другая девочка, — что вообще уже принцев нигде нет. Ну, короли еще кое-где остались, доживают свое. Но уж принцы на что надеются? Смешно прямо.

— Да, нашел чем порадовать, действительно... — хихикнула Зюзя Махлакова. — Вот если бы Баталов приехал! — Она мечтательно зажмурилась. — Я бы с ним снялась и подписать его попросила автограф. У меня уже три Баталова есть, но все без подписи, и Стриженовых четыре. А Рыбникова только половинка, мы с Сонькой Пушкаревой пополам поделили.

— Но вообще-то, девочки, все-таки интересно, что принц, — робко подала голос маленькая пионерка, разбиравшая камешки у себя на коленях.

— Подумаешь, не видали мы!

— А между прочим, где это ты принцев навидалась?

— О, сколько раз... Например, в «Золушке», как он с модельной туфелькой носился. Хорошенькая такая, лодочкой, без задника, на золотой шпилечке, ну не больше чем тридцать первый номер! Всем примерял на ногу.

— Дурында ты! Это же не в театре будет, а на самом деле!

— Ну и что ж такого?

Тонида грозно оглядела своих подружек.

— Я лично считаю, девочки, — сказала она, — что мы должны ему сразу показать, словом, дать почувствовать, что мы не какие-нибудь, как он привык у себя там, подобострастные, раболепные. Он, наверное, приучен к тому, что все перед ним кланяются и пресмыкаются, а я лично, например, не собираюсь всякие эти: «Извольте-позвольте, ах-ох, мерси, не могу...» — Вон у Машки Серебровской отец — главный маршал самых важных войск, и то она не важничает, — сказала Зюзя. Тараска не выдержал:

— Знаю я вашего брата девчонок. Это вы сейчас так на идейность жмете, а как увидите, так сразу: «Ах, какая душечка!.. Ах, какой симпатичненький!.. Распишитесь на память... Разрешите сняться с вами вместе...» Тонида неспешно поднялась со ступеньки крыльца, на которой она сидела.

— А ну-кась, — медленно проговорила она, — окоротись, пока не поздно. Послушали тебя, и спасибо скажи. Стартуй отсюда живо, а то получишь еще для придания дополнительной скорости. Слышишь, мотай отсюда полным ходом!

Но, вернувшись к себе в палатку, Тараска застал там ребят, сгрудившихся над фестивальным справочником «Коротко о странах». Слава Несметнов читал вслух:

— «Джунгахора... Площадь 194 тысячи квадратных километров. Население свыше 5 миллионов. Столица — город Хайраджамба, славящийся знаменитым королевским дворцом Джайгаданг, построенным еще в древности руками народных зодчих. Джунгахора расположена в обширной плодородной долине, примыкающей к океанскому побережью и окаймленной с северо-запада высокими горами, ограждающими страну от северных ветров. Склоны гор покрыты дремучими лесами с ценными породами деревьев (тиковые, лаковые). В долине огромные заросли кокосовых пальм. Основа экономики страны — сельское хозяйство. Производится много риса, а также каучука... Джунгахора — конституционная

монархия, глава государства — король. Для решения наиболее важных вопросов король созывает кроме парламента, совещание представителей племен и других знатных лиц страны — великий Джургай. Партии, профсоюзы и другие общественные организации отсутствуют». Ничего себе распорядились, — сказал Несметнов и продолжал: — «В стране развита широкая добыча жемчуга, являющегося одной из основных статей экспорта. Значительные позиции в экономике страны принадлежат иностранному капиталу...» Потом раскрыли принесенный из библиотеки атлас мира и, стучаясь лбами, отжимая плечами друг друга, долго вглядывались в карту далекой и жаркой страны Джунгахоры, откуда ехал в пионерлагерь «Спартак» наследный принц.

Глава IV Два бывших пионера и один будущий король

— Нет, надо же! — Михаил Борисович размашисто крутит головой и весело смотрит на собеседника.

— Да, дела, не говори... Лучше не придумаешь.

Все это произносится уже десятый раз.

Дело в том, что принца доставил в лагерь специальный сопровождающий, а первым встретил гостя в лагере «Спартак» Павел Андреевич Щедринцев — посол СССР в Джунгахоре, старый школьный, а потом фронтовой товарищ начальника лагеря. Он отдыхал неподалеку, в одном из прибрежных санаториев. И вот пока принц принимает под наблюдением вожатого Георгия Николаевича или, как его все зовут, Юры, душ с дороги, старые друзья сидят в креслах, не сводя друг с друга глаз, и нет-нет да и, оглядевшись, проверив, что никто не суется в дверь, привставая, бьют с размаху один другого кулаками то в грудь, то в плечо. Оба они коренастые, осанистые здоровяки. Посол, видно, начал уже немного расплываться, тучнеть, а начальник «Спартака» еще и вовсе стройный, смуглый от загара. Снова и снова разглядывают они друг друга с одобрением, радуясь встрече.

— Нет, ты еще, куда ни шло, королем смотришь! — говорит посол.

— Ну, тебе насчет королей виднее...

— Нет, правда, ты хоть куда! Только вот белобрысым становишься, а был как смоль.

— Ну, тебе седина не грозит, ты ее плешью опережаешь заблаговременно.

И оба хохочут. Посол подмигивает:

— А Марфушу помнишь? Мы все вдвоем с ней пели: «Позарастали стежки-дорожки».

Начальник смотрит укоризненно на него, потом смущенно на дверь: хорошо ли прикрыта.

— Еще бы не помнить! Только я-то свое отпел, а она вот, брат, заслуженная, в Академическом поет. Слышал?

— Не забыл, значит... Следишь...

— Погоди... — перебивает его Михаил Борисович. — Хотел бы я на тебя, господин посол чрезвычайный, хоть разок во фраке посмотреть, интересно...

— Ничего интересного, фрак как фрак, прозодежда наша дипломатическая. Мне вот любопытнее было бы поглядеть, как ты тут в няньках ходишь, дядя начальник, товарищ главновоспитывающий. Как это ты на педагогическую стезю ступил?

— Да ты знаешь, Павел Андреевич, ребят я всегда любил. Помнишь, еще в партизанском отряде на Брянщине они за мной так и ходили следом. Своих... ты знаешь... под Смоленском потерял. Так и сгнули... Новых уже не заводил. Вот и двинул по этой линии. Я как понимаю дело? Вопрос воспитания — это что такое? Это значит помочь человеку, чтобы он вырос по-хорошему счастливым. Им, ребятам, на нас, взрослых, чихать, когда мы с ними постоянно рядом. Вот когда нас нет, тогда они тосковать начинают знаешь как!.. Очень им, понимаешь, нужно взрослое участие, эдакое постоянное внимание старших. Вот тут девчонка сейчас у меня одна из детдома. Отца с матерью даже в глаза никогда не видела, а интерес к ним острый, повышенный. Я с ней несколько раз беседовал. Угловатая,

трудная девчонка. Я всю историю ее узнал, с детдомом списался, горьковским. Подкидышем считалась, пока люди добрые не уточнили все и вернули девочке фамилию родительскую и гордость за отца о матерью, безвинно погибших. И как ей, чувствую, важно, чтобы с ней толком взрослые говорили. Ну ладно, это я отвлекся... Ты давай познакомь меня подробнее с этим самым твоим престолонаследником. Как с ним сопровождающий-то в пути управлялся? Ничего?

— Нормально. Сперва, говорит, принц требовал, чтобы ему штаны утром подавали. Потом сам стал брать. Свыкся. Вообще-то он мальчонка хороший. Я его по Джунгахоре знаю. Конечно, калечили его с пеленок, но материал в нем добротный.

— погоди! Ты мне, будь друг, расскажи все подробно. За стеной слышался плеск в ванне, голос вожатого Юры и веселые вскрики купавшегося принца.

— Так вот, — сказал посол, — я тебе сейчас небольшую популярную лекцию прочту. Джунгахора — это, как ты, вероятно, слышал...

— Грамотный, газеты читаю, между прочим.

— В газетах не все пишут. Там, понимаешь, обстановка весьма сложная. Король у них славный малый — Джутанг Сурамбияр, но мягковат. Как говорится, не властелин, а пластилин. Кто ко двору ближе пробьется, тот и лепит из него что хочет. Так сказать, царь Федор в постановке МХАТа. В правительственных кругах там разнбой. Понимаешь, у них американский капитал и бельгийский хозяйничают. Народ их всех — я имею в виду империалистов-колонизаторов — называет мерихьянго. И с ними заодно был прежний король Шардайях Сурамбон. Ну, это был совершенно бессердечный, свирепый тиран, страхолодина. Он и жену свою заморил, сослал... Так что принц этот — его, между прочим, запомни, зовут Дэлихьяр Сурамбук — рос без матери. Бабушка его воспитывала — учти — русская. Когда-то наследный принц Джунгахоры учился у нас в Петербурге в царском лицее, влюбился там в одну гимназисточку, и стала она невестой джунгахорского короля, а потом и законной королевой. Замечательная была, как передают, женщина. Тосковала очень всю жизнь по России и внука научила говорить немного по-русски. Так что этот Дэлихьяр вполне прилично болтает по-нашему и даже русскую песню мне пел, которой бабушка его научила: «Гайда тройка, снег пушистый...» Представляешь? А снега-то он, конечно, и в глаза не видел. Собственно, его и вырастила-то бабушка. Бабушка, как ее принц величал, — Александрой покойницу звали... Сперва-то ведь он наследным принцем не считался. Престол уготован был старшему брату, Джутангу, нынешнему королю. Ну, а на младшенького, на Дэлихьяра, особого внимания при дворе не обращали. А после смерти бабушки оказался мальчишка фактически предоставленным сам себе. Брату-королю заниматься воспитанием его некогда. Однако и колонизаторам, мерихьянгам, поручить дело это, как они того ни домогаются, король не желает: опасается, что восстаноят они принца против него. И заговорил он как-то со мной на эту тему. Я тогда и предложил: «Ваше величество, говорю, а что, говорю, если Его высочеству погостить у нас среди пионеров, в самом обыкновенном пионерском лагере? У нас, говорю, опыт по этой части уже есть. Жили у нас в „Артеке“, в международном нашем пионерлагере, принцы и принцессы из дружественных нам стран и были как будто довольны. Но для Его высочества я рекомендовал бы самый обыкновенный лагерь. Есть у меня на примете такой, говорю...»

— Да, — пробормотал начальник, — удружил ты мне по старому знакомству. Спасибо тебе.

— Чудак человек, я же недаром именно твой лагерь порекомендовал, знал, с кем дело принц иметь будет. Так что уж не подведи.

— Что я с твоим принцем делать буду, скажи ты мне! — взмолился начальник.

— Не больше, чем с другими твоими питомцами. Ну конечно, кое-где учесть придется, посчитаться с чем надо, проследить, чтобы обстановка была вокруг соответствующая. Но никаких особых условий прошу не создавать. Я так и с королем договорился. Пусть, дескать, малый среди нормальных мальчишек потолкается. Король-то к нам относится вполне заинтересованно: мы ведь там, как ты знаешь, строим гидростанцию, каскад Шардабай. Это

первая ГЭС будет в Джунгахоре. Ну, эти самые мерихьянго, разумеется, точат зубы на наши связи, то и дело всякие подлые заговоры раскрываются. Вообще в стране не очень спокойно. Я ведь у них там первый советский посол, до меня не было. Ты не можешь себе представить, что там делалось, когда я прибыл. Народу собралось на аэродроме видимо-невидимо. И на улицы, где я проезжал, все высыпали. Пальмовые ветви в руках, цветы. И знаешь, что пели в мою честь? «Катюшу»!.. «Выходила на берег Катюша». А еще — не догадаешься! «Очи черные». Всю ночь напролет молодежь у меня под окном собиралась, приветствовала, в какие-то рожки дудела, плясала и «Катюшу» распевала.

Посол замолк и прислушался к звукам, доносившимся из ванны.

— Что-то долго они там возятся... Ну, я пока доскажу. Так вот, в стране вообще-то неспокойно. Король, человек болезненный, считает себя недолговечным. Он холост, так что единственный наследник престола этот вот самый принц, который сейчас там плещется в ванной у тебя. Между прочим, король мечтает, что осенью определит его в одно из наших суворовских училищ. На этот счет уже переговоры ведутся.

В дверь кабинета постучали, и старший вожатый Юра ввел к начальнику лагеря принца. Михаил Борисович еще раз оглядел приезжего. Принц был глазастький, смуглый. Ноздри маленького, чуть распяленного носа, казалось, туго растянуты в разные стороны выпуклыми скулами. На подбородке была продолговатая ложбинка посередине, как у абрикоса. От широкой переносицы чуть наискось к вискам поднялись очень подвижные брови, которыми принц старался придать своему лицу выражение высокомерное и безразличное.

— Ну, королевич, отмылся с дороги? — спросил начальник.

— Умылся, у-это, хорошо, — отвечал чуточку в нос принц, застегивая пуговичку и поправляя видневшийся на груди под расстегнутым воротом медальон с перламутровым слоном, державшим в хоботе огромную жемчужину.

Принц смотрел на начальника лагеря без любопытства, хотя брови его подрагивали концами у аккуратно подстриженных висков. Он поправил волосы, топорщившиеся на макушке и свисавшие челкой на лоб.

Начальник привычным глазом осмотрел царственного новичка и подумал, что мальчишка-то, в общем, хоть и пыжится, но ничего, лучше, чем можно было предполагать.

— Долго, однако, тебя кипятили, — пошутил Михаил Борисович. — Я уж думал, из тебя суп сварят.

— У-это, ничего, — милостиво сказал принц. — Потом я пойду, у-это, скорее в море.

— Пока поместим на первую дачу, возле дежурки старшего вожатого. Я думаю, так, Юра, лучше будет, поближе к тебе. Поживет, осмотрится, пообвыкнет, тогда и решим, куда и как. Ясно?

— Только вы ему, Михаил Борисович, скажите, что обмахивать я его не обязан.

— Как это — обмахивать?

— А он, как ему жарко стало, так велел опахалом на него махать... Ну, вентилятор я ему еще включу, а этим самым опахалоносцем быть при нем не собираюсь. Я все-таки, извините, пионервожатый, а не придворный махальщик.

Посол сказал что-то принцу по-джунгахорски, и тот — это было видно даже под смуглой кожей — покраснел, но ничего не ответил, только брови на миг потеснили просторную и выпуклую переносицу.

— Ну походи представь его, познакомь с ребятами.

— Пускай, у-это, сами будут представляться. — Принц вдруг выпятил маленькую пухлую губу и откинул голову назад. — И почему флага, у-это, нет?

— Потому что визит ваш не официальный, — объяснил посол. — Я же излагал вам, и вы, Ваше величество, должны это понять, запомнить.

— Да, это ты, друг, брось, оставь, — сказал начальник. — Давай условимся. Тут все ровня, все сами хозяева. Каждый тоже наследник не хуже тебя. Это все их отцы наработали, вот все это. — Он обвел рукой парк, дачи на берегу за окном. — А ты пока что у нас гость.

Покажешь себя как надо, сам будешь тоже свой среди своих. Порядок? Вот посол обязан тебя называть Ваше высочество, а для остальных ты просто друг наш Дэлихьяр, сосед и товарищ по лагерю пионерскому. И нос не задирай, предупреждаю. Дружи, живи, радуйся. Так-то вот. — И начальник энергично и добродушно пожал своей большой рукой маленькую гибкую руку принца.

Когда вожатый вывел принца из кабинета, посол поднялся.

— Ну, надеюсь, все будет как надо. А мне собираться пора.

Начальник вздохнул:

— Так ни о чем толком и не поговорили...

— Да... Дела все...

Глава V Флаги, гербы, слоны

— Ну, — сказал вожатый Юра, представив гостя ребятам возле палатки номер четыре, — вот вам новенький. Кто он такой, вы все уже знаете. Надеюсь, сдружитесь. Я пошел пока, а вы тут покажите гостю наш лагерь.

Хитер был вожатый! Объявил и ушел. Дотолкуйтесь, мол, сами!

Минуты три верных длилось молчание. Девочки украдкой поглядывали на принца. Мальчишки в упор рассматривали его. А тот стоял, высокомерно задрал голову, но часто помаргивая приспущенными веками.

Наконец Тараска решился.

— Бхай-бхай! — произнес он неуверенно. От принца ответа не последовало. Но тумака от Ярослава Тараска получил.

— Гуд дей, май френд! Ду ю спик инглиш? — старательно выговорил пионер, хваставший, что он говорит по-английски.

— Йес, ай ду, — равнодушно и вяло ответил принц.

— Слышишь, спик! Давай, давай дальше, — зашептали ребята, — спроси чего-нибудь.

— Обожди, не гони, дай сообразить. Тараска решил, что он должен помочь:

— Парле ву франсе?

— Же парль, ме тре маль. — Принц глянул из-под полуопущенных век на Тараску и отвернулся.

— Чего, чего он сказал? — зашептали пионеры.

— Говорит, что говорит, только, говорит, плохо, — пояснила Юзя, которая учила в школе французский язык.

— Ничего себе плохо, с ходу режет, — заметил с уважением Тараска.

Принц вдруг вскинул глаза и просительно обвел ими ребят.

— А, у-это, по-русску нельзя? — с надеждой спросил он. — Я понимаю все говорить по-русску!

Сперва все обомлели, а потом такой разом галдеж пошел, что хоть и по-русски говорили, но понять, кто про что толкует, было невозможно. В конце концов Слава Несметнов прикрикнул на ребят, а когда стало тихо, сам заговорил с гостем, предложив ему пройти по лагерю.

И ребята повели принца по тенистым аллеям лагерного парка. Показали приезжому большую Площадку Костра над морем. И лагерную мачту с развевающимся флагом. Внизу возле нее под легким навесом несли караул часовые-пионеры. И отвели гостя на площадку, где играют в волейбол, и к большим террасам столовой. И сообщили, сколько раз в неделю бывает кино в лагере, и объяснили, когда и какие сигналы играют. Принц слушал очень внимательно и, видно, все хорошо понимал, лишь изредка переспрашивая: «У-это, как?» И тогда все наперебой старались разъяснить ему.

Потом с интересом разглядывали амулет на груди у принца — перламутровый слоник на золотом солнечном диске с жемчужиной-луной в поднятом хоботе...

Спустились к парадной балюстраде над морем. Волны внизу мерно накатывались на пляж, осаживались, уходили, сипя, в песок, шуршали галькой, отползали в море и снова брались за свое.

Горизонт был чистым, тонко очерченным в безоблачном небе, и где-то по самой кромке его шел и дымил корабль.

Потом он пропал.

Принц долго смотрел в ту точку горизонта, пока не скрылся и дым. И ребята молчали, понимая, что гость думает о своей далекой, ужасно далекой стране, расположенной где-то на другом конце света. Молчание нарушил маленький Ростик Макарычев, сын бухгалтера. Он все время следовал за ребятами в некотором отдалении. Ему уже давно не терпелось заговорить с принцем, но он не решался. И вот сейчас, воспользовавшись молчанием, он наконец подобрался к Дэлихьяру.

— Правда, что ты принц?

Тот кивнул головой утвердительно.

— Ловко! — восхитился Ростик.

— А ну, кувыркайся отсюда! — зашипел Тараска. Он считал, что неудобно так сразу и в лоб задавать высокому гостю эдакие прямолинейные вопросы.

Но Ростик не унимался:

— А принцем быть интересно?

Принц только плечами пожал и неловко улыбнулся.

— А как, по-твоему, — сказал Ростик Ярославу Несметнову, — ты бы сам захотел?

— Ы-м! — отрицательно промычал Ростик. — Дразнятся все, наверное, на улице.

После этого Несметнов взял Ростика решительно за руку, отвел его за куст, наподдал ему легонько куда надо коленкой и потурил, пригрозив на прощание кулаком.

Забегая вперед, скажу, что с этой минуты Ростик по крайней мере один раз на день где-нибудь уж подкарауливал Дэлихьяра, чтобы задать ему очередной вопрос. То он встречал его у столовой и тихонько хихикал:

— А я знаю, ты принц, гы!..

В другой раз поджидал его у входа на пляж, некоторое время шел рядом молча, а потом тихо спрашивал:

— Ты когда будешь большим, кем станешь? Королем? Да? Ты в короне будешь ходить?

Или:

— А короли все против нас и за войну? Или есть за мир?

И еще через день:

— А муравьеды у вас есть?

Но сейчас на балюстраде шел общий хороший разговор. Тут обеим сторонам важно было не спасовать друг перед другом. Никому не хотелось ударить лицом в грязь. Сначала, надо сказать, перевес был на стороне принца. Он извлек из маленького кожаного футляра крохотный транзистор, и разноязычная болтовня международного эфира полилась из аппарата размером не больше, чем фотоаппарат. Зазвучала музыка, и донеслась далекая песня. Правда, на Джунгахору настроиться не удалось. Видно, уж больно далеко была страна принца.

Но этого было мало. Принц размотал тоненький белый провод и подключил его к приемнику. На концах провода были маленькие капсулы — наушники. С одним из них, натягивая провод, принц ушел за кусты густо росшего здесь лавра, а Тараске велел вставить в ухо капсулу на другом проводе, включенном в приемник. И Тараска услышал тихий голос Дэлихьяра, который прятался за кустами. Так что этот транзистор мог, оказывается, работать и как телефон. Это было здорово! Такого аппарата ребята еще никогда не видели. Тогда, чтобы принц не очень уж заносился, бледноватый и вялый Гелик Пафнулин, снискавший уже у старших ребят кличку «Графа Нулина», никак не загоравший сынок директора комбината бытового обслуживания, считавшегося, по словам Гелика, крупным начальником, вдруг

сказал:

— Ну и что же! А у моего папы есть персональная и даже личная собственная машина «Волга», спецборки, с хромировкой вокруг. Вся облицовка такая. Автомашина, понял?

На принца это, конечно, не произвело никакого впечатления. Он снисходительно посмотрел на Гелика, двинул бровями и сказал:

— А у меня есть свой слон.

Все только и успели закрыть рты, чтобы не ахнуть.

— Собственный, индивидуальный? — спросил Тараска, оправившись от изумления.

— Как это? — не понял принц. — Мне, у-это, брат подарил, король.

— И большой мощности слон? — поинтересовался Несметнов.

— Большой. Белый. Зовут Бунджи. Я ему говорю, у-это:

«Бунджи, Бунджи». И он, у-это, сразу идет ко мне и делает так хобот. И я к нему, у-это, сажаюсь, и он, у-это, меня — хоп! И я на нем еду. Высоко там. Там кабина, где, у-это, спина.

Все долго молчали, совершенно сокрушенные сообщением принца. Свой слон — это, конечно, кое-что. Необходимо было как-то выравнять положение.

— А у вас, значит, все еще царизм? — спросил Тараска.

— У-это, как — царизм? — не совсем понял принц.

— Ну, значит, король там правит, капиталисты. А у нас вот, между прочим, скоро уже коммунизм станет.

— У-это, как — станет?

— Ну, значит, каждый будет работать, сколько он может, в силах, а получать сколько надо. Принц радостно закивал головой:

— У-это, у меня уже есть, у-это, коммунизм. Чего умей — делай, чего не умей — не делай. Сколько, у-это, хочу — давай-давай.

Ярослав Несметнов посмотрел на него со снисходительной насмешкой:

— Умный ты, а еще принц. Чудило ты заморское, сообразил... Коммунизм для всех, а не для одного.

— А если для одного, это и есть типичный царизм, — дополнил Тараска.

Тут из-за куста опять вылез никем не замеченный Ростик. И как он тут оказался, никто не понял. Но Ростик успел просунуться к принцу, и было уже поздно удерживать его.

— А кто главное — король или царь? — сказал Ростик. Он, собственно, собирался спросить, кто хуже, но у него хватило деликатности смягчить вопрос.

Ответа он не успел дожидаться, так как ему пришлось срочно удирать за кусты.

Вид у Ярослава Несметнова был достаточно многообещающий.

Решили потолковать о делах, которые, вероятно, допекают всех ребят на свете, будь они даже принцы.

— Учишься ты где? — спросил Несметнов. — Школа есть при дворце или в общую ходишь?

Принц вздохнул и сказал, что заниматься ему приходится дома, во дворце, уроков задают много, и готовить их приходится тоже со специальными учителями — придворными наставниками.

Ребята даже посочувствовали. Нелегкое это дело — заниматься с глазу на глаз с учителем одному, а вокруг даже и подсказать некому.

— Да, ребятам еще везде живется не ах, — согласился Тараска.

Гелька Пафнулин незаметно толкнул его локтем в бок и показал глазами на принца.

— У нас-то, положим, — сказал он, — давно уже счастливое детство.

— «Счастливое»!.. — Тараска усмехнулся. — Больше получаса купаться не дают. Иди ты знаешь куда!..

Гелик обиженно отошел, показывая всем глазами, что Тараска ведет себя нетактично при принце. А тот заинтересовался:

— Куда ты, у-это, его погонял?

— Пусть к лешему свинячему идет, — охотно отозвался Тараска.

— У-это, хорошо. А у нас, когда хотят погонять, скажут:

«У-это, уходи в дыру желтых муравьев».

— Тоже неплохо, — одобрил Тараска.

Потом принц показал марки, на которых был его брат, король Джутанг. И когда ему дали справочник «Коротко о странах» и он увидел там флаг и герб Джунгахоры, то принялся пояснять ребятам, что там изображено. У джунгахорцев, оказывается, есть поверье, что лунные ночи, отраженные в море, рождают жемчуг, поэтому-то на двухцветном флаге Джунгахоры солнце красовалось посередине алой полосы, луна же была на верхнем синем поле. А на нижней синей полосе белела большая раковина с жемчужиной. И принц привел джунгахорскую поговорку: «Солнце светит с высоты всем, луна сопутствует бодрствующим, а жемчуг доступен лишь тем, кто не боится глубин».

— Крепко завинчено, ловко сказано. Только кто его займет-то может, этот жемчуг? Небось тот, кто и не нырял сроду с головкой, — сурово заметил Несметнов.

Принц тут же объяснил значение герба Джунгахоры, который был вышит и у него на рубашке. В большом круге, увенчанном короной, на которой сияло солнце, изображался слон, топтавший ногами и душивший задранным вверх хоботом змей. Принц пояснил, что этот герб выражает девиз: «Один могучий слон добра растопчет сотни ядовитых змей зла». Все с интересом слушали принца, и он, видно, почувствовал, что завладел общим вниманием. Чтобы окончательно укрепить свой авторитет, он вдруг, хитровато оглядевшись, доверительно сообщил:

— А я еще, у-это, могу качать брови. Эта — так, эта — так!

И на смуглом круглом личике его брови заходили быстро: одна вверх, другая вниз. Вверх — вниз, поочередно, как чашки весов. Ребята попробовали сделать так, но никто не мог столь ловко управляться со своими бровями. Долго все гримасничали, морщились, щурились. А принц охотно показывал свое искусство, за которое ему дома при дворе не раз крепко влетало.

Словом, ребята уже тихонько говорили друг другу: «Нет, видно, ничего парень этот принц. Молоток! Определенно свой».

Но принцу и этого показалось мало. Вдруг он вынул из красивого, расшитого золотом и украшенного узорами жемчужин карманного блокнота фотографию. На ней был снят сам принц Джунгахоры Дэлихьяр Сурамбук, а рядом с ним — кто бы вы думали? — Юрий Гагарин, вот кто! Они были сняты вдвоем на фоне дворца Джайгаданга под сенью кокосовых пальм. Первый космонавт мира обнимал принца за плечи, а на фотографии стояла личная подпись: «На память от Юрия Гагарина».

Тут уж все обомлели вконец. Шутка ли, личный автограф самого Гагарина! А принц пояснил:

— Он у нас был, у-это, гость в Джайгаданг. Мы с ним, у-это, ходили гулять на море.

Как тут было не зауважать принца! У кого еще была фотография Гагарина с личной подписью космонавта?

Положение спас Тараска. Он сумел поддержать репутацию лагеря в глазах принца.

— У меня, между прочим, — неожиданно изрек он, — двоюродный дядька — главный конструктор этих самых космических ракет, если хочешь знать.

Принц не пытался скрыть, что ему очень хочется знать.

— Ой, у-это, очень здорово! Ты меня с ним води! У, у-это, буду тоже, у-это, комсомолец.

— Космонавт, — поправил его Несметнов. — Много захотел, это не всякий может.

— Я буду его приказывать, когда стану король.

— По королевскому указу пока что-то не больно в космос летают.

Принц продолжал с явным восхищением смотреть на Тараску, а тот, и без того пухлый, совсем раздулся от гордости. Но когда все двинулись на обед, из-за большого олеандра показалась осанистая, подобранная, как всегда, фигурка Тонида. Строгим пальцем она поманила к себе Тараску.

— Ты чего же раньше не говорил, кто у тебя дядя? — с нескрываемым уважением спросила Тонида. — Я сейчас слышала. Чего молчал?

— Ну, во-первых, ведь троюродный только даже, а не двоюродный, — забормотал Тараска, озираясь по сторонам, — а во-вторых, это же государственная тайна.

— А с чего же ты сейчас всем развонил, если тайна?

— Слушай, Тонида, — совсем тихо сказал Тараска, — ну чего ты прицепляешься? Я же это нарочно сказал, чтобы этот принц не очень зазнавался. Я свободно, может быть, даже ему и не наврал нисколько. У моего отца троюродный брат — он мне дядька, значит, — так он правда какой-то секретный профессор, изобретатель. Почтовый ящик вместо адреса. Кто знает, может быть, он как раз и есть главный конструктор. Он же мне не скажет. Могу я, в конце концов, так считать про себя?

— Про себя можешь, а других не путай. Транзистор!.. — проговорила Тонида и не очень больно щелкнула Тараску в выпуклый лоб.

Тараска для вида потер место, куда его щелкнула Тонида, ухмыльнулся про себя и побежал догонять ребят.

Глава VI Тень, на которую наступили

Произошло это на физкультурной площадке лагеря. Сначала там играли в волейбол. Судила физкультурница Катя — Екатерина Васильевна. Принц свистел и хлопал, болея за мальчиков, — они, как ни старались, проигрывали девочкам. Очень уж трудно было принимать мячи, которые как снаряды неслись от сильных ладоней Тониды и прямо-таки вонзались в площадку. В общем, мальчики проиграли и с трудом нашли в себе мужество прокричать «физкультпривет» победительницам.

Потом Екатерина Васильевна ушла, и ребята стали показывать свою ловкость и силу кто во что горазд. Дэлихьяр понял, что и тут можно отличиться.

У себя во дворце среди тех немногих детей придворных, которые допускались в Джайгаданг, Дэлихьяр слыл за отличного спортсмена. Он мог прыгнуть дальше всех, он отлично боролся на поясах и опрокидывал самых сильных противников на землю.

Но вот стали сейчас прыгать в длину с разбегу. И не только Тоня Пашухина, лучшая прыгунья лагеря, но и Ярослав Несметнов, и Тараска Бобунов, и другие ребята — все врезались пятками во взрыхленный песок далеко за той отметкой, до которой был в силах допрыгнуть Дэлихьяр. Когда же принц предложил помериться с Несметновым силами на поясах, буквально через мгновение он оказался прижатым Ярославом к траве.

Страшное подозрение торкнулось в душу бедного принца. Не хотелось верить ему. Но странно: почему он всех побеждал во дворце, а тут оказался вдруг среди слабейших? Правда, никто над ним не смеялся. Все сочли дело вполне естественным. В лагере многие ребята были хорошими спортсменами — что же тут мудреного, если принцу пришлось спасовать перед ними.

Летнее солнце уже садилось за море. Медленно набегавшие на берег волны были оторочены резко прочерченными синими тенями. По песку и газону физкультурной площадки за фигурами носившихся ребят металась длинные и тонкие, как росчерки, вечерние тени. Песчаную полосу, где только что соревновались в прыжках, перерезала узкая длинная тень, тянувшаяся из-под ног принца. В это время уже собравшаяся уходить Тонида, шагнув через площадку, наступила на тень принца.

Дэлихьяр мгновенно выпрямился. Тень его на песке стала еще длиннее. Неожиданно повелительным жестом он направил вытянутую руку с торчащим вперед пальцем на Тониду.

— Ты не смей так становиться, где даже солнца нет от меня, — сказал он. — У-это, моя тень. Ты не смей стоять, где моя тень.

Все замолчали в изумлении, ничего сперва не понимая. Тонида, пожав своими прямыми плечами, отошла немного в сторону.

— Такой есть, у-это, закон — не стоять, где тень короля и, у-это, принца, — продолжал Дэлихьяр.

И тогда Тараска, ради озорства, нарочно прыгнул на длинную тень принца, да еще стал пританцовывать на ней, выворачивая пятками песок. Принц ринулся напрямик по своей собственной тени. Мгновенно он оказался вплотную возле Тараски и залепил ему пощечину.

На секунду все застыли в возмущении. Но тут уже Тонида обернулась, шагнула обратно на площадку. Молча схватила она принца за шиворот и, прежде чем тот опомнился, влепила три крепких шлепка по тому месту, которое у наследников престола предназначается для трона.

Дэлихьяр вырвался из цепких рук ее. Лицо его, всегда смуглое, свежее, стало дымно-серым. Брови судорожно прыгали, слезы наполнили глаза.

— Шарахунга! — закричал он, потрясая над головой стиснутыми кулаками. Это было, очевидно, какое-то страшное джунгахорское проклятье. — Дочь змеи! Твоя душа — жаба! Я, у-это, буду уговорить брата, у-это, короля... Он вам будет объявлять война, убивать, стрелять. — В ярости он сорвался с места и исчез в аллее.

Все были смущены. Как-никак дело было неприятное. Все-таки гость из страны, борющейся против империалистов, к тому же принц. И вот на тебе, в первые же дни... Тараска опустил руку, которую держал у щеки.

— Зря ты его, Антонида. — Слава Несметнов хмуро всматривался в аллею, куда убежал принц. — Это уж ты набезобразничала.

— А он не безобразничал? Дает волю рукам, — не унималась Антонида.

— И ты тоже... Чего ты на его тень вскочил, раз у них там не полагается, — укорял Тараску Ярослав.

— Им там хорошо, на экваторе, — оправдывался Тараска, — солнце прямо над макушкой, тени у них короткие. Вот никто и не наступает...

Пришлось доложить о происшедшем вожатому Юре. Тот очень огорчился и не на шутку встревожился. Сейчас же бросился искать принца. Уже начинало заметно темнеть, когда Юра нашел Дэлихьяра. Тот сидел в одной из плетеных кабинок для переодевания на пляже. И пришлось долго уговаривать его, чтобы он покинул это свое укрытие. На общий ужин принц не пришел. Вожатый Юра принес ему еду в комнату на дачу. Мальчики и Тонида чувствовали себя тоже не в своей тарелке. Все понимали, что дело получилось не очень красивое. Не так надо перевоспитывать принцев.

Дэлихьяр после ужина повалился на кровать, но Юра заставил его встать.

— Сначала разбери, раскрой постель, как я тебя учил, — сказал Юра. — Ты вот, говорят, в суворовское готовишься, а военных порядков знать не хочешь. Офицер должен сам себе приготовить ночлег, как в походе. Куда же ты годишься, если постелить себе не умеешь, а утром койку не заправишь. Ушел сегодня, не прибрал за собой. Это все не дело. Ну, давай я тебя научу.

— А, у-это, бороть всех ты меня будешь учить?

— Всему свой черед. И боротся научу. Такие приемы я знаю — никто не устоит против тебя.

Они стелили постель, а принц, еще всхлипывая, спрашивал:

— А почему все меня, у-это, сбороли? Я раньше всех борол, а теперь меня... Может быть, у-это, у вас не так, как у нас, земля притягивает?

— Да не в тяготении, друг, дело. Ты не огорчайся, я тебе правду скажу. Просто они все там, во дворце у вас, поддавались тебе. Ты же принц — их и заставляли прыгать покороче тебя, и как борьба — так ложиться сразу. Вот ты их и борол. Вот тебе и все притяжение, соображаешь?

Принц всхлипнул и кивнул головой. Некоторое время он молча расстилал простыни, подбивал подушки. Потом сказал тихо:

— Бабашура... Я, у-это, бабушку свою так называл. Бабашура меня учила, у-это, играть русские шашки... Там тоже так бывает. Играют, у-это, так поддамки.

— Только не поддамки, а поддавки, — сказал Юра. — А так правильно говоришь. Они и с тобой в поддавки все играли. А у нас ты тут окрепнешь, натренируешься, совсем другой разговор будет, по чести и совести.

Уже сыграли давно отбой в лагере и улеглись по-вечернему волны на море. Лишь легкий шорох гальки доносился с пляжа. Но напрасно физкультурница Екатерина Васильевна ждала у ворот служебного корпуса вожатого Юру, который обещал прокатиться с ней вдоль моря на велосипедах по шоссе. Не мог Юра оставить в этот трудный час принца. Дэлихьяр уже лежал и вот-вот готов был заснуть, но все открывал в темноте глаза, находил руку Юры, стискивал ее крепко и спрашивал:

— А как я, у-это, теперь дальше тут буду?

— И очень просто, — успокаивал его в десятый раз Юра. — Подумаешь, большое дело — тень! Вот на горло когда наступают — это паршиво... А завтра соберу я вас всех троих: и Бобунова, и Пашухину вместе с тобой. Друг перед другом извинитесь, и конец всему. Все трое виноваты — значит, и упрямитесь тут нечего. Но это, конечно, если ты сам утром койку заправишь.

— Заправлю, — сказал принц. — Я подушку буду бить вот так. — Он сел на кровати, кулаками поколотил с боков подушку, повернул ее уголком к себе.

— Ладно тебе, — сказал вожатый. — Заправлять утром будешь, а сейчас, раз постель раскрыта, что полагается?

— У-это, спать.

— Значит, спи.

Физкультурница Екатерина Васильевна дождалась все-таки Юру в этот вечер... Луна еще не зашла и, когда они катили вдвоем, рядом на велосипедах, светила им сперва в лицо, а потом сзади, когда пришло время возвращаться домой.

И они ехали — тесно, педаль к педали — прямо по своим теням, которые егозили, то сливаясь, то раздваиваясь перед ними, на облуненном асфальте шоссе.

Глава VII «Дикарь» и «ничья»

Утром принц заправил свою койку уже сам. И она теперь выглядела образцово — так аккуратно было выстлано легкое одеяло, так крепко взбиты подушки и все прибрано вокруг и на ночном столике. И полотенце висело там, где полагается. Тут и явились по вызову вожатого Тараска с Тонидой. Но Тонька и на этот раз показала свой скверный характер.

— С чего это я буду виниться? — пробормотала она. — Ему можно драться, раз он принц, а ты уж и сдачи не ответь.

— При чем тут принц? — рассердился вожатый Юра. — Кто бы ни был на его месте, а порку устраивать ты не имеешь права.

— Я его не порола, — проокала Тонида, — поддала разок.

— Три раза, — уточнил принц.

— А я не подсчитывала, — не сдавалась Тонида.

— Стыдно, — сказал вожатый. — Приехал человек из колониальной страны, борющейся против угнетателей, слышал там, что у нас самые справедливые порядки, что никогда никого пальцем не трогают в смысле физических наказаний, а ты — бац-бац... Что человек подумает?

— А ему можно Тараску бац-бац?

— Так он же раскаивается, — сказал Юра. — Ты ведь, Дэлихьяр, раскаиваешься?

— А как, у-это, раскай-вай-ваешься?

— Ну, ты жалеешь, что так получилось нехорошо?

— У-это, нехорошо. — Принц отвернулся. — Только пускай и они тоже раскай-вай-ваются!

— Ну вот, — сказал вожатый. — Дэлихьяр считает сам, что поступил нехорошо.

Значит, он раскаивается. Тарас тоже зря дразнился. Правда, зря?

— Правда, — выдавил из себя Тараска. — Только я пошутил, а не дразнился. Я же ему не на ногу наступил, а на тень только.

— Ну ладно, ладно, — поспешил вожатый Юра. — Словом, все ясно. А уж рукоприкладство Пашухиной было совершенным безобразием. Короче говоря, протяните друг другу руки, вот давайте их сюда... — Вожатый взял сперва за руку Тараску, потом Тониду, свел их руки вместе, а сверху положил руку принца и накрыл своей ладонью. — Вот так. Раз, два, три! Все повинились, все поняли. А теперь гоните на пляж.

Все трое, не глядя друг на друга, побрели к дверям и, выйдя из них, быстро пошли в три разные стороны, ни разу не обернувшись. На одной из аллей, которая вела к морю, принца нагнал Гелька Пафнулин.

— Плюнь ты на нее, — сказал он, имея в виду, должно быть, Тониду, — на нее вообще у нас никто не обращает внимания. Она грубая, невоспитанная, хуже всякого хулигана, из детдома потому что. Ну, это как у вас приют, понимаешь? Ни роду, ни племени — подкидыш.

Принц хмуро слушал его и продолжал шагать к берегу.

Пафнулин семенил чуточку позади.

— Слушай, давай поддерживать друг дружку, если хочешь, — приставал Гелька. — Знаешь, чего я тебе скажу? Подари мне твой транзистор, и я тебе все обеспечу. У меня тут везде свои ходы, со мной беды знать не будешь. А?

Принц решительно замотал головой.

— Что, жалко стало? Тебе же еще из дворца новый пришлют. Эх ты, жадина...

— Я не джадина, — рассердился принц, — ты сам джадина. У-это, так не говори...

— Ну ладно, — примирительно сказал Гелька, — там видно будет. Ты от меня, в общем, не отдаляйся, не советую. Тут, знаешь, компания не очень подобралась, я тебе честно скажу. Я бы мог, понимаешь, отдыхать индивидуально, но маме порекомендовали, чтобы я в коллективе лето провел. Сказали, что коллектив способен воздействовать. Ну и пусть себе воздействует. Тебя ведь, наверное, тоже прислали, чтобы коллектив воздействовал. А ты им не поддавайся, ты плюнь. А хочешь, так сделаем, ты меня при всех сборешь на обе лопатки? И сразу покажешь себя. Только тогда уж определенно гони мне твой транзистор. Тебе же все равно новый подарят. А ты меня можешь сбороть при всех, пожалуйста...

— А я тебя, у-это, и так сборю, — сказал с ненавистью принц и вдруг яростно кинулся на Пафнулина.

Ему был уже отвратителен этот хлипкий, гнусавый мальчишка с заискивающими глазами. Принц кинулся тем приемом, который ему показал вчера вожатый Юра, неожиданно для самого себя опрокинул Гельку на песок аллеи.

Пафнулин поднялся, отряхиваясь.

— Ну и что? — загундосил он. — Все равно тебе никто не поверит, что ты меня взаправду сборол. Скажут, что я нарочно поддался. А мне плевать до лампочки! Они меня тут все равно подлизой дразнят. Я им скажу, что поддался тебе.

И верно, никто не поверил. Ребята, которые шли к морю и все видели издали, остановились теперь на аллее, крича:

— Что, уже прилип? Подполз, стелешься, поползень...

Но уже вконец разъяренный Пафнулин заорал:

— Стану я к нему прилипать, очень мне нужно, подумаешь! К кому прилипать-то? Кокос-абрикос, желторылый туземец, дикарь!..

Принц было рванулся к нему, но, что-то, видно, вспомнив, сдержался.

Он только тихо сказал:

— Не смей, у-это, так говорить. Так только мерихьянго говорят. Плохой человек... И ты тоже плохой.

— А ты дикарь, дикарь, дикарь! — не унимался Пафнулин. — Вождишка из дикого племени!..

Ребята сгрудились вокруг них. И уже решительно проталкивался вперед Ярослав Несметнов, приговаривая на ходу:

— А ну, Гелька, кончай, кончай живо! Вдруг откуда-то появилась Тонида:

— Эй ты, Граф Нулин, не больно-то дразнись! Там твои родители приехали на собственной персональной. Так и сказали вахтеру дяде Косте у ворот: «Позовите нашего сыночка, скажите ему, что мы приехали вольным порядком и обосновались тут на денек дикарями». Так что ты-то и есть самый настоящий этот дикарь, природный дикарь.

— А ты, подумаешь, хи!.. Принцесса, — не сдавался Пафнулин.

Тонида двинулась угрожающе на него:

— Уж не знаю, кто я, только вот не виновата, что твои папочка с мамочкой сами себя дикарями объявляют. Гелька решил бить по самому больному:

— Вот именно, что ты — не знаю кто. Слышали? Ловко! Сама сказала. За мной дикарями не дикарями, а приехали, а за тобой никто не пригонит. Потому что ты безродная, — подкидыш!.. Именно — «не знаю кто». Ты же ничья...

И вдруг Тонида, всегда готовая отбрызнуть любого обидчика, вспыхнула вся, беспомощно посмотрела на ребят... Одной рукой она схватилась за плечо, словно ее больно ушибли и зажала в сгибе локтя закушенные губы.

Тараска посмотрел сперва на нее, потом на Гельку. — Ты чего говоришь?! Это ты всегда сам ничей — ни вашим ни нашим... поддавашка!

— Не хочу я с тобой связываться, рахитик, — надменно изрек Гелька, с опаской поглядывая на окружавших их ребят и побежал к воротам парка, за которыми его ждали приехавшие родители.

Ребята, потоптавшись возле Тонида, которая продолжала стоять, уткнув лицо в сгиб руки, медленно побрели к морю. И только принц Дэлихьяр остался. Он тихонько подошел к Тониде, покашлял. Снова отошел. И опять приблизился.

— У-это, — почти шепотом начал он, — ты не надо... У-это, я тоже, как ты, тоже нет папа-мама. Также ничей, как он сказал. Маму, у-это, плохие убили. Она была против очень мерихьянго, они ей давали пить, у-это, яд... отравляли. Я слышал потом, люди тихо сказали, у-это... тихо сказали, а я все слышал...

Тоня медленно отняла от лица словно затекшую руку, подняла голову. Она стояла, отвернувшись от Дэлихьяра, чуть скосив назад через плечо взгляд.

— А я его правда положил, сборол, — опять заговорил принц. — Честная правда, клянусь солнцем и луной! Я его сильно так — и поклял. Мне Юра покажет еще прием, я буду сильный самый... Хочешь, я его бац-бац, если он тебе плохо скажет?

Тонида медленно обернулась и долго смотрела на принца. Длинные брови ее перестали тесниться. И лицо как будто стало доверчиво приоткрываться. Она все смотрела на принца.

Вот он как родился, так уже был тем и знаменит. А она долго даже не знала, где родилась, у кого. А в общем-то, они оба оказались чем-то схожими. Как ни странно, а этот смуглый, грустноглазый мальчишка из далекой заморской страны, родившийся во дворце, но тоже почти не знавший, что такое слово и ласка матери, был сейчас чем-то близок и странно родствен ей.

— Ты на меня не сердчай, что я тебя вчера так, — сказала она глуховато. — Хочешь, можешь ударить меня. — Она подняла голову и подставила щеку. — Только, уж конечно, не потому, что ты принц... — Длинные ее брови, и без того сходящиеся на переносице, теперь сомкнулись совсем над плотно закрытыми глазами.

— Нет, нет, я, у-это, так не хочу! — пробормотал принц, трясая головой. — Так у нас слуга говорит, когда его по щеке... Я так не хочу.

— Ну и ладно. — Она вдруг глянула на него весело и по-свойски. — Пойдем тогда камешки собирать, может, сердолик найдем или Куриного бога. Пошли, а?

И они побежали к морю.

А между тем мамаша Гелика уже бушевала в кабинете начальника лагеря, нервно открывая и захлопывая пасть своей огромной цветастой сумки.

— Вы не находите, что это выглядит по меньшей мере странно? Мой мальчик, сын советского работника, занимающего видное место, живет в матерчатой палатке, где все продувается сквозняком и куда может заползти любая сороконожка вплоть до скорпиона, а какой-то принц, иностранец, разумеется капиталистического происхождения, размещен на даче со всеми удобствами! Действительно, как говорится, в царских условиях.

Начальник пытался урезонить ее:

— Должен вам сказать... Простите, не знаю вашего имени-отчества... Ольга Федоровна? Так вот, Ольга Федоровна, мы стараемся для всех ребят создать, как вы выражаетесь, царские условия. Но здоровые мальчишки предпочитают жить по-лагерному, по-походному, у моря, чтобы оно у них под самой подушкой шумело, чтобы волны в полог стучали. Ну, а в дачах мы размещаем менее закаленных, более слабых. Впрочем, как желаете... Можно и вашего сынка устроить. Вы не обижайтесь, но должен вам сказать, что сынок ваш в тысячу раз больше принц, чем этот самый Дэлихьяр из Джунгахоры.

— Да, — невозмутимо отвечала мамаша Гелика, угрожающе щелкая сумкой, — мы не скрываем, что стремимся дать нашему сыну воспитание на высшем уровне...

Гелика Пафнулина, хотя он уже был и сам этому не рад, перевели из береговой палатки, в которой обитали Слава Несметнов, Тараска Бобунов и другие ребята, на дачу, предназначенную, как выражались мальчишки, для «слабачков».

Узнав об этом, принц на другой же день стал требовать от Юры, а потом и от директора, чтобы его непременно перевели на освободившееся место, в палатку номер четыре, к Тараске и Несметнову.

Посоветовавшись с вожатым, начальник в конце концов согласился.

— Ладно, пусть живет с товарищами. Он парень, видно, подходящий. Они его там закалят как надо. Только ты, Юра, все-таки предварительно потолкуй с ними. И, конечно, с врачом вопрос согласуй.

Получив согласие врача, вожатый Юра явился в палатку номер четыре, перед тем как туда перевели принца:

— Вы все-таки с ним потактичней. Он приучен к определенным манерам. Придворные церемонии соблюдать, конечно, никто вас не заставляет, ну, а, так сказать, считаться кое с чем все-таки не мешает. Понятно?

— Все понятно! — хором отвечали ребята.

Никакой церемонии перехода в палатку не проводили. Только Тараска, посоветовавшись с Юрой-вожатым, попросил девочек вышить флаг Джунгахоры. Долго упрашивать не пришлось. Тоня охотно вышила флаг и герб страны Джунгахоры. И у входа в палатку номер четыре повесили пионерский вымпел, а рядом с ним джунгахорский флаг.

Так принц Дэлихьяр стал жить на берегу в палатке номер четыре. Не буду скрывать, что флаг-то флагом, а в первую же ночь принцу все-таки была устроена некоторая проверка. Ему подложили в постель дохлую лягушку. И когда принц стал разбирать кровать на ночь, все в палатке замерли, ожидая, что сейчас произойдет, как будет себя вести принц в этих каверзных условиях и что полагается сделать в таком случае по дворцовому этикету.

Дэлихьяр, напевая свою любимую песенку, которую он запомнил со слов бабушки, «Гайда тройка, снег пуджистый», сноровисто, желая показать ребятам свое умение, готовил себе койку. И вдруг замолк.

Все остановилось в палатке номер четыре.

— О! — воскликнул Дэлихьяр. — Бедный, у-это, уже не живой... У нас в Джунгахоре мы их кушать, соус банан. Нет, у-это, не такой породы. — Он взял двумя пальцами за лапку лягушку, внимательно осмотрел ее, покачал головой, подошел к выходу из палатки, откинул полог и выбросил лягушку вон.

Едва не опрокинув Дэлихьяра, из палатки пулей вылетел Славка Несметнов. Его тошнило...

Через два-три дня вожатый Юра спросил Тараску:

— Как у вас там принц, освоился? Не очень вы его?

— О, полный порядок, — затараторил Тараска, — в обстановке полного взаимопонимания, мир и дружба, фройндшафт, бхай-бхай!

Не прошло еще и пяти дней, как принц стал одним из самых заядлых охотников за морскими камешками. С пренебрежением откидывая зеленые полосатые камешки-лягушки, он отбирал сердолики и халцедончики. Он научился великолепно ноздрить камешки, натирая их до нужного блеска о крылья собственного носа.

И на груди у принца рядом с королевским амулетом с золотым изображением солнца, перламутровым слоном и жемчужной луной болтался вскоре на ниточке так называемый «Куриный бог», то есть камешек с дыркой, которую выточило в нем море.

Найденного им второго Куриного бога он преподнес Тониде, и она великодушно приняла подарок.

А потом все словно и забыли, что он принц и наследник королевского престола.

Только и слышалось:

— Дэлька, наноздри мне вот этот сердолик. У меня нос обсох, лупится.

— Дэлька, пошли на отмель крабов ловить, а? Сходилили?

— Дэлька, ты когда брови упражнял, сперва пальцем их поддерживал?

И голос принца, высокий, мелодичный, какого-то особого оттенка, хорошо выделялся вечером, когда он вместе с приятелями по палатке номер четыре пел под балконом дачи «слабачков»!

У Пафнулина у папы,
У Пафнулиной у мамы
Жил сынок чин чинарем.
Он любимчик был мамулин,
Он любимчик был папулин,
Ну, а вырос дикарем.

Глава VIII С черного хода

Ребята вообще умеют быстро сближаться. А в пионерском лагере дружба схватывается мигом, как гипс. Смотришь, вчера еще не знали, как зовут друг друга, а сегодня уже старые товарищи. Может быть, конечно, лагерная дружба не так прочна, как школьная, та, что крепнет год от года, класс от класса. Как известно, гипс на то и гипс — быстро схватывается и легко раскалывается. Но, во всяком случае, медлить с летней дружбой не приходится. Сроки лагерных путевок короткие. Глядишь — пора уже и расставаться. И Тонида сама на себя дивилась. Как это она, всегда такая трудная и колючая, тяжелая и неходкая в знакомстве с людьми, так быстро и запросто подружилась с принцем. Конечно, это была дружба, самая настоящая дружба, ничего больше, как бы девчонки ни подкашливали хитро и ни строили гримаски за ее спиной, когда у девчачьей дачи появлялся Дэлихьяр.

— Иди, принцесса, твой пришел, — хихикали девчонки и едва успевали увернуться от крепких тумачков Тониды.

— Подите-ка вы подале... Городите опять не знай чего.

Впрочем, она стала уже не такой размашистой, какой была вначале. И вообще как-то изменилась Тонида-Торпеда. Один раз она даже попросила подружек причесать ее по-модному, с начесом.

— Ну наконец-то, очухалась, — говорила Зюзя Махлакова, искусно взбивая расческой что-то вроде кокона на Тонидиной макушке, где до сих пор властвовала лишь суровая круглая гребенка.

А когда причесали девочки Тониду и надела она к вечеру Зюзину нейлоновую кофточку, приколов к ней Куриного бога, подаренного принцем, просто не узнать ее было.

— Ой, Тонька, — восхищалась Зюзя, — до чего же ты сегодня интересная, спасу нет! Девочки, вы только поглядите!.. Честное слово, как бы в Джунгахоре землетрясения не было.

— Подите-ка вы от меня подале, — гудела польщенная Тонида и рдела, и правда хорошела, поглядывая в зеркало, которое держала перед ней Зюзя, и пригашая длинными ресницами застенчивую лукавинку в просторных глазах своих.

И они вместе с принцем, которого все в лагере звали теперь уже просто Дэликом или Дэлькой, собирали на берегу камешки и тщательно ноздрили их, натирая для блеска о собственные носы. Принц, у которого на перстне горел большой бриллиант, а дома были золотые пояса и пряжки, усыпанные драгоценными камнями, восторженно кидался в набегавшую прозрачную, с прозеленью волну, завидев в ней маленький сердолик, не больше ноготка...

Медленно брели они вдвоем у самой воды, отпрыгивая со смехом в сторону, когда ветер сдирал с гряды прибоя ключья пены, развеивая их в брызги, и волна плюхалась под самые ноги. И чем шумнее разгуливалось море, тем откровеннее говорили они друг с другом, потому что море заглушало слова и можно было лишь догадаться о сказанном.

— Угадай, про что я тебе сказала? — кричала Тонида сквозь грохот прибоя.

— У-это, повтори еще...

— Хорошо! — лукаво обещала она, но, нарочно выждав, когда новая волна, вильнув пенным хребтом, с грохотом бухала о берег, повторяла что-то неслышное Дэлихьяру, издали глядя на него.

А он тряс головой и опять просил:

— Повтори, у-это, ты что говорила?

— Не буду я сто раз повторять, — доносилось до него сквозь грохотание прибоя.

Тонида научила принца чудесной песне, сложенной кем-то в дальних походах. И, стараясь перекрычать море, они во все горло пели вдвоем на берегу:

Я не знаю, где встретиться Нам придется с тобой...

Глобус крутится, вертится, Словно шар голубой...

И мелькают города и страны, Параллели и меридианы.

Только той еще дороги нету, По которой нам бродить по свету

— Тебя когда-нибудь дразнили? — спросила как-то Тонида.

— А, у-это, как? — насторожился принц.

— Ну, как-нибудь прозывали?.. Вот меня Торпедой дразнят...

— О-о! У-это, сколько много раз, — обрадовался Дэлихьяр. — Вот так... Сын солнца и луны. Жемчужина короны. Еще, у-это, юный слон мудрости.

— Ох, чудик ты, Дэлька, — засмеялась ласково Тоня. — Так это же разве дразнят? Это величают.

— А я, у-это, не люблю, когда увеличают.

Все давно уже привыкли к нему. Он научился нырять и даже получил разрешение от Юры-вожатого плавать по нескольку минут с ластами и аквалангом. Вместе со всеми мальчишками упрямо отшагивал в строю дальние дороги на экскурсиях, участвовал в Дне космоса и в Дне моря. Старательно салютовал на лагерной линейке. Пионеры придумали в его честь специальное приветствие и при встрече с принцем, салютуя ему, кричали:

— Луна и солнце!

На что он, растопырив пятерню, поднятую над головой, отвечал, сияя:

— Серп и молот!

И все были очень довольны собой и друг другом.

По вечерам, когда оставались считанные минуты до сна, а, признаться, иногда и после положенного срока шли в палатке номер четыре интереснейшие разговоры. Тараска и Ярослав наперебой рассказывали Дэлику о Буденном, о полярниках и об атомоходе «Ленин», о Павлике Морозове, Володе Дубинине, молодогвардейцах и космонавтах. А принц говорил им о бойскаутах из организации «Королевские тигры», почетным шефом которой он считался, и о Тарзане, про которого он читал в книжках больше, чем было в кино. И уже не

просил он в полночь, как прежде, будя всех, закрывать полог палатки, чтобы не влетели шарахунги — злые полночные духи. «Я, у-это, теперь знаю. Коммунисты у вас убили всех духов. Я больше не стал бояться».

Ну и путаница же была в голове у этого славного принца! Дэлихьяр, например, верил, что если длинную лиану перетащить через три реки, то она превращается в змею. Он верил также, что во вредных людях зреет змеиный яд, и подозревал, что к таким надо отнести и Гелика Пафнулина, который теперь старался обходить палатку номер четыре подальше. А однажды, когда возвращались из похода в горы и уже спускались к шоссе, которое проходило мимо лагеря, вдали послышались громкие сигналы. Из-за поворота вылетели три мотоциклиста в белых и гладких, как облупленное крутое яйцо, шлемах. Они мчались, оглушительно сигналив, отмахивая белыми перчатками влево и вправо. И все машины, и встречные и попутные, сразу же послушно отворачивали к обочинам, очищая путь посередине шоссе. А за мотоциклами неслась маленькая открытая машина, над которой билось во встречном ветре пурпурное знамя с развевающимися золотыми кистями. И чуть позади следовали один за другим голубые и алые автобусы с флагами на кузовах.

— Стоп! Пропустим, — скомандовал Юра.

Принц настороженно всматривался в торжественный кортеж, приближавшийся в окружении почетного эскорта мотоциклистов.

— У-это, кто едет? — ревниво поинтересовался он. — Откуда король тоже приехал, да?

— Король не король, а принцы и принцессы наши едут, — начали было потешаться ребята, но вожатый Юра остановил их.

— Кончай придуриваться, ребята, хватит. Это, Дэлик, — сказал он принцу, — новая смена к нашим соседям, в лагерь «Чайка», едет. У них заезд получился позднее. Лагерь новый, недавно сдали.

— А нас еще и не так везли, — похвастался Тараска. — Нас с духовой музыкой. Впереди на отдельном грузовике наяривали марш всю дорогу. Все движение встало на шоссе. Пионерам у нас всегда «зеленую улицу» дают. Дуй, гони!..

И проносились мимо пионеров, мимо оторопевшего принца нарядные автобусы. Из окон высовывались ребята, махали руками, что-то кричали, пели. Каждый автобус словно обдавал стоявших своей песней.

Фр-р-р-р-р!!! — проносились с облачком жаркого воздуха машины.

Фр-р-р-р-р!!!.. «Здравствуй, милая картошка, тошка, тошка... Низко бьем тебе челом...» Фр-р-р-р-р!!!.. «Давай, космонавт, потихонечку трогай и песню в пути не забудь...» Фр-р-р-р-р!!!.. «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры — дети рабочих...» Фр-р-р-р-р!!!.. «Ай-яй-яй, тебя люблю я!.. Ай-яй-яй, ты все молчишь...» Фр-р-р-р-р!!!.. «С якоря сниматься, по местам стоять! Эй, на румбе, румбе, румбе, так держать!..» А оглушенный принц только головой вертел, встречая и провожая накатывавшие и проносившиеся мимо песни.

Долго еще потом ходили по лагерю рассказы о том, как принц принял проезжавших пионеров за королей... Но особую славу в лагере «Спартак» принц Дэлихьяр Сурамбук приобрел после двух встреч.

Гуляли раз пионеры по одной из дальних аллей лагерного парка. Шли и пели все хором песню про зеленого кузнечика о «коленками назад», а сами откальвали на ходу замысловатые коленца какой-то ими придуманной смешной пляски. И там, где кипарисовую аллею пересекает тропа, ведущая к розарию, повстречался им незнакомый человек. Он был в вышитой украинской сорочке и соломенной шляпе. Широкие, как чехлы на креслах, холщовые штаны почти закрывали сандалии.

— Добрый день! — обратился он к ребятам, старательно улыбаясь. — Что это вы исполняете? Западные танцы?

— Что вы, — сказал Тараска, — это не западные, это восточные. Пляска тигров.

— Ишь ты! — сказал человек в широких штанах. — Ну, как живем, пионеры? Гуляем,

загораем? Питание как? Всем довольны?

Ребята загудели в ответ дружно, но неразборчиво, что всем довольны, все хорошо.

— Так... Будем знакомы. Я от комиссии из областного центра. Интересуется руководство вашей жизнью. Давайте присядем вот тут на скамеечку, потолкуем. Ну, вот ты, например. — Он ткнул пальцем по направлению к Тониде, которая тотчас же мрачно скрылась за спиной Несметнова. — Что прячешься? Не тушуйся, нам интересно именно ваше личное впечатление. Как говорится, устами малолетних... — Он вынул толстую тетрадку из портфеля, который зажимал так высоко под мышкой, что даже скосбочился несколько. — Ну, не хоронись там, девочка, давай начнем с тебя. Родители чем занимаются?

Тонида молчала.

— Какая-то ты, я вижу, необщительная, в себя замкнулась, нехорошо так в коллективе. Ну, а ты? — Он ткнул пальцем в принца, и ребята затихли, предвкушая удовольствие. — Ну, присаживайся здесь, так вот, рядышком. Дыши себе свободно, а я кое-что запишу. Стало быть, приступим. Давай с тобой заполним вопросы по порядку. Первый вопросик — имя, фамилия и всякое такое.

— Дэлихьяр Сурамбук.

— Нерусский будешь, значит? Это не суть. Повтори только для ясности...

Принц повторил, а ребята так и дулись от разбивавшего их смеха.

— Дэлихьяр... Интересно! Родители-то кто? Ребята, разом посерьезнев, наперебой принялись подсказывать шепотом:

— У него отец с матерью умерли.

— Ясно, — сказал ревизор. — Сирота, следовательно. Сочувствую. Прискорбно. Значит, этот пунктик заполнили. А на чьем иждивении?.. Ну, у кого живешь, кто содержит?

— Он у брата старшего живет, — объяснил за принца, лукаво озирая всех, Тараска.

— А вы не подсказывайте. Ты сам отвечай, по-русски ведь разбираешься? Вот. Он сам и без вас ответит. Кем, я говорю, брат-то работает? Где?

— У-это... Он работает во дворце, — отвечал Дэлик.

— Во Дворце культуры?

— Нет, у-это, в нашем. В Джайгаданг.

— Не совсем себе уясняю. — Ревизор почесал переносицу карандашом. — Это что, местности название такое? Сперва давай уточним, кем брат работает.

— Он король.

— В каком, так сказать, отношении? И вообще давай серьезно отнесемся.

Ребята уже чуть не помирали со смеху.

А Тараска вдруг подскочил к принцу, поднял с земли большой лист вроде лопуха:

— Ваше высочество, разрешите обмахнуть?

Ревизор поглядел на всех поверх очков, потом совсем снял их, снова надел на нос, приподнял соломенную шляпу над макушкой, помахал на себя, как веером:

— Да, действительно жарковато сегодня. Парит что-то. Так, я извиняюсь... Может быть, все-таки уточним?

Тут уже, не выдержав, ребята расхохотались и наперебой стали объяснять ревизору, что перед ним настоящий наследный принц, брат короля Джунгахоры и обитатель палатки номер четыре.

У ревизора съехал с толстых колен портфель, он поднял его, запихал туда тетрадь и, смущенно хлопая глазами, обратился к принцу:

— Слушай, извиняюсь, твое высочество... Ты меня, в общем, если что я нарушил... Не был поставлен в известность. Тараска что-то все время показывал под ноги ревизору.

— На чем стоите?! — прошипел он наконец, показывая глазами на принца. — Сойдите скорей!..

Ревизор испуганно поглядел себе под ноги и даже приподнял одну сандалию.

— Нельзя на его тени стоять, — заверещал Тараска, — у них закон не позволяет. — И Тараска сделал страшные глаза.

Ревизор, поспешно пятясь, отшагнул в сторону и наткнулся на подошедшего начальника лагеря.

— Что же вы меня, товарищ Кравчуков, не проинформировали, что у вас в контингенте, так сказать, представитель зарубежной державы?

— Вы же меня не информировали о своем предстоящем прибытии, — отрезал Михаил Борисович, — с черного хода решили, с задней калитки. Ну, а я, признаться, полагал, что если придете, так с парадного крыльца. Извините.

— Да вот, товарищ Кравчуков, хотелось подемократичнее, так-сказать, с низов, тем более сигнальчик был о неблагополучии. Заезжали тут родители, сигнализировали в область...

— Ладно, потом разберемся, когда пройдем ко мне, — оборвал его начальник.

В лагере запел голосисто и раскатисто горн, зовя на обед.

«Бери ложку, бери хлеб...» — подхватили привычно ребята.

— Вы бы вот больше эти сигналы слушали, — сказал Михаил Борисович и повернулся к притихшим ребятам: — Ну что же, вы тут уже побеседовали, успели?

— Бодяга это, лабуда, — сказал вдруг принц. Бедный начальник даже приостановился, хотя совсем уже было собрался уходить вместе с ревизором.

— Это ты по-каковски? — спросил он.

— По-русски, как, у-это, все.

— Хороши! — Начальник оглядел потупившихся ребят, укоризненно покачал головой. — Вы что же это русский язык позорите? Этому надо гостя учить? Да еще короля, возможно, в будущем. Доверяй вам, а вы...

Глава IX Сердце пятого

Вторая встреча была совсем иной, и запомнилась она спартаковцам надолго.

Дело шло к вечеру. Огромный огненно-оранжевый, чуть-чуть сплюснутый шар солнца вот-вот должен был кануть за горизонт. Пионеры поднялись, чтобы проводить солнце на высокую прибрежную скалу, где стоял позеленевший от времени и щербатый бюст доктора Павла Зиновьевича Савельева. Это он, старый большевик, один из героев гражданской войны, когда-то основал здесь, на Черноморском берегу, лагерь «Спартак». Тяжело больной, доживал он в лагере свои последние дни. Его приводили к вечеру на эту скалу, он сидел тут, смотрел на море и на закат и слушал песни, которые пели для него пионеры. На скале его и похоронили. И стоял здесь старый памятник доктору. Ребята часто поднимались сюда, чтобы полюбоваться красотой морского заката, долго потом стоявшей в глазах. А закат и правда выдался очень хорош в тот день. Небо и море были сине-фиолетовыми, а над самой кромкой, отделяющей морскую даль от распахнувшихся во все стороны небесных просторов, накалялась широкая алая полоса, и в центре ее плавилось тяжелое багрово-золотое солнце. — Ребят-ты, смотри! — зашептал, придыхая, принц.

— У-это, совсем как у нас Джунгахоры флаг.

Услышав это, высокий и очень худой человек в темных очках, седой, смуглый, весь в белом, быстро обернулся. Он стоял поодаль с небольшой группой пожилых курортников, поднявшихся сюда, должно быть, из санатория, что находился неподалеку от «Спартака». Это, верно, их автобус дожидался внизу, у подножия скалы.

Высокий человек снял темные очки, худой красивой рукой плавно отвел их от смуглого лица, и Тониде показалось, что движением этим он разом впустил в глаза свои и всю широту далекого неба, и синь моря, и пламя горевшего заката — так много синевы и огня ринулось в упор на пионеров, когда незнакомец глянул на них.

— Джунгахори?.. Фари йо джор? — быстро спросил он у принца.

Тот, неожиданно услышав родную речь, доверчиво заулыбался сперва, но тут же сдержал себя и коротко с важностью назвал.

Высокий незнакомец медленно подошел вплотную к Дэлихьяру, чуть склонившись, поглядел ему прямо в глаза, — Принц Дэлихьяр? — Он коротко кивнул головой и добавил: — Ну, давай познакомимся. Я — Тонгаор. Тонгаор Байранг.

Принц попятился, насупившись. Во дворце Джайгаданге не полагалось даже произносить это имя... А пионеры сразу стихли и обступили говоривших. Ну конечно, ребятам, как и всем у нас, давно уже было известно имя неустрашимого джунгахорского поэта-революционера коммуниста Тонгаора. Тараска так и вперился в него, стараясь бесшумно пробраться поближе. Вот он какой, Тонгаор Байранг! Без малого десять лет просидел поэт в одиночке в темени страшной гибельной ямы, куда его бросил тиран Шардайях, прежний король Джунгахоры. Всю жизнь свою боролся Тонгаор против захватчиков — мерихьянго. Стихи и песни Тонгаора, заживо погребенные в смрадной яме, где должен был погибнуть поэт, пробивались сквозь толщу тюремной охраны, гремели по всему свету. «Слышите?! Мой тайный код!.. Я перестукиваюсь со всем миром, со всеми, кому дороги свобода и правда, стуком наших разгневанных сердец!» — говорилось в одной из песен Тонгаора. И отзывной стук сердец миллионов людей стал в конце концов слышным по всей планете грозным грохотом и заставил правительство Шардайяха извлечь отважного поэта-революционера из тюремной ямы и выслать его за пределы страны. Но годы, проведенные в подземелье, отнимавшие у поэта свет и свободу, отняли у него и здоровье. Теперь он лечился в одном из черноморских санаториев близ лагеря «Спартак».

— Мне, наверное, говорить с тобой не полагается, — сказал Тонгаор принцу. — Вернее, тебе, думаю, со мной говорить не велено. А? Я ведь коммунист. Всегда был и буду против вас, королей, скрывать не стану. Но тебе, мальчик, вернее, твоему имени я кое-чем обязан.

Тонгаор пригнулся, чтобы заглянуть принцу в лицо. Но тот отшатнулся и прошипел еле слышно:

— Шарахунга ро табанг!..

— Ух ты!.. Как проклинать меня ты выучился. — Тонгаор вдруг с ласковой хитринкой поглядел на принца и по-озорному закрутил седой головой. — А вот то, что все ребята у нас в Джунгахоре знают, тебе, должно быть, неизвестно. А, принц? Ну-ка! — И неожиданно звучным, легким голосом он пропел: — «Банго, банго, бангандай!..» Как дальше?

Принц встрепенулся было, но, спохватившись, хмуро глянул на Тонгаора снизу и нехотя, вполголоса пробурчал:

— Ну, у-это... «Бунджи, рунджи, джай-ярдай!» Тонгаор одобрительно кивнул.

— Молодец! У тебя и слон ведь по этой песенке назван — Бунджи. А вот скажи, кто песенку эту придумал? Не знаешь?.. Эх ты, моя эта песенка, мальчик. Я ее для всех джунгахорских ребят сочинил. Вот видишь, она и к тебе во дворец пробралась безымянной, песенка моя. Песню, мальчик, в тюрьму не спрячешь, на замок не запрешь. Ну-ка, еще раз давай споем вместе ребятам. «Банго, банго, бангандай!» И принц, хотя и отвернувшись, послушно подхватил:

— «Бунджи, рунджи, джай-ярдай!» — Видишь, как у нас складно получается. Я же вижу, ты вовсе не плохой малый. И смотри, у каких хороших ребят мы с тобой встретились. Ну, давай свою августейшую десницу. Проще говоря, давай лапу. Не на дружбу, так на песню. Я хочу поблагодарить тебя, мальчик. Я уж сказал, твое имя мне однажды на помощь пришло...

Говорил он негромко, но голос звучал так глубоко и веско, что хотелось не только его слушать, но и слушаться. Выговор у него был чистый, только чем-то напоминавший уже знакомую ребятам, певучую, с легким придыханием в нос, манеру речи принца. Ведь недаром еще мальчишкой шестнадцати лет Тонгаор приезжал к нам в первые годы революции и слушал Ленина на съезде комсомола, а потом долго учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве.

И вот рассказал теперь пионерам Тонгаор, что, когда король Шардайях вынужден был освободить и выслать его, все было сделано так, чтобы мятежный поэт, вытасенный со дна

тюремной ямы, погиб бы на дне моря. С борта корабля его высадили в открытое море на маленькую утлую шлюпку. И корабль ушел, а погода была свежая, и волны все росли и росли, перебрасываясь друг с другом одинокой шлюпкой, как скорлупой пустого кокоса. И заглотив бы Тонгаора океан, если бы не заметили его с борта проходившего танкера «Принц Дэлихьяр». Танкер шел в Советский Союз за нефтью. Моряки увидели человека на полузатопленной шлюпке и подобрали его.

Боясь дохнуть, слушали Тонгаора пионеры. Тоня Пашухина глаз с него не спускала. И только свирепо косилась, если кто невзначай шевелился.

— Капитан стал мне за время пути верным другом, — продолжал Тонгаор. — Танкер приписан к порту Рамбай. А ты, мальчик, должно быть, слышал, каковы моряки из Рамбая... Там много моих друзей. И капитан «Принца Дэлихьяра», когда приходит к этим берегам за нефтью, всегда привозит мне письма. Очень много писем. На «Принце Дэлихьяре» плавают хорошие, смелые люди. Имя твое, мальчик, в верных руках. Думаю, что и ты не обманешь... погоди! — воскликнул вдруг Тонгаор. — Ровно через неделю твой корабль будет в порту. Капитан навестит меня. Хочешь встретиться? Нет, лучше я его привезу к вам в лагерь!..

А солнце уже входило в море, все небо торжественно пылало. И на фоне этого величавого, широко разлившегося пламени очень красив был высокий, такой худой и смуглокожий, словно его насквозь просвечивало огнем заката, но удивительно прямой, негнувшийся белоголовый человек. Он стоял над обрывом и вместе с затихшими пионерами глядел в море. А солнце погружалось в гладь моря и вот уже совсем скрылось... Небосклон слегка повело проступившими по нему вразлет прощальными лучами. Еще несколько минут калилась одна точка на горизонте — там, где воронкой сходились блекнувшие лучи. И казалось, туда, в остывшую пучину, медленно втягивается уходящий свет дня. А потом и эта точка погасла.

Наступила минута вечернего молчания. Тонгаор бережно, но прочно удержав за плечо Дэлихьяра, отвел его чуточку в сторону. И они там некоторое время говорили о чем-то друг с другом на родном языке — наследный принц страны Джунгахоры и гордый поэт-коммунист, молодость которого сглотала тюремная яма Шардайяха. О чем они говорили, никто, конечно, не понял, но принц уже не отводил своего плеча из-под руки Тонгаора. Минуту назад еще чужой и непримиримо враждебный человек стал теперь непонятно притягательным. Дэлихьяр, казалось, чувствовал, что с ним говорит не то волшебник, не то мудрец. Но как не походил он на тех мудрецов, напыщенно-бородатых, исполненных медлительной важности, которые во дворце Джайгаданге долгими и нудными часами толковали наследнику престола о шести сутях мира и четырех опорах бытия. Нет, ни на придворных мудрецов, ни на жрецов из Храма Луны и Солнца не похож был человек, имя которого было запретным в Джунгахоре! А в то же время каждое слово его, произносимое на родном принцу языке, упруго, как парус ветром, наливалось какой-то гордой и властной правдой: хотелось довериться ей.

Потом оба вернулись к стоявшим в отдалении и все еще тихим пионерам.

— А мы тоже за вас все протестовали, когда я учился во втором классе, — сказал Тараска, восторженно глядя на Тонгаора.

— Спасибо тебе и твоим товарищам, — отвечал Тонгаор. И он очень уважительно и серьезно пожал руку Тараске. Поэт был высок, ему приходилось смотреть на маленького Тараску сверху. Но он не гнулся, а только уважительно наклонял голову, сам оставаясь пронзительно прямым.

— А вы прочитайте, пожалуйста, нам какие-нибудь свои стихи, — вдруг осмелела Тонида. — Я слышала, как вы по радио читали... о космонавтах.

— Прочитайте, правда, просим, прочитайте! — Пионеры сгрудились еще теснее, нетерпеливо зааплодировали.

— О космонавтах? — переспросил Тонгаор. — Ну, это вы, должно быть, и так все слышали... Разбираетесь лучше меня в этих делах.

— А вы бы хотели сами быть космонавтом? — спросил Тараска, обмирая от уважения.

— Мне уже поздно мечтать об этом, да и здоровье я оставил под землей, и так высоко над ней мне уже не вознестись. — Тонгаор поднял голову и, как показалось ребятам, с завистью поглядел в небо. Но потом вдруг тряхнул упрямо белыми волосами и, чуть прищурившись, хитро оглядел ребят. — У каждого, пионеры, свой путь к звездам... Я вот хотел бы помочь всем людям проложить путь к звезде, которая зовется — Правда.

— А все-таки, — спросил, как всегда, несколько сумрачно настойчивый Слава Несметнов, — как вот, по-вашему... кем интереснее быть — писателем или космонавтом?

Тонгаор усмехнулся:

— Не знаю... Не знаю, пионеры. Летать в космос пока не приходилось. А вот поэтом... Стойте-ка! Я лучше вам расскажу одну свою притчу, если хотите... Да? Ну, тогда рассаживайтесь вокруг.

Ребята мгновенно разместились: кто на уступе скалы, кто на нагроможденных камнях и обломках. Тихонько подошли курортники из санатория. И Тонгаор, медленно оглядев всех, стал читать им свою «Притчу о пятерых».

— «Сошлись раз пятеро, — начал Тонгаор. — Один знал, откуда произошла всякая вещь, и постиг состав ее, и строение, и тайну недр ее, и кромешное вращение мельчайших частиц, все образующих. Он был Великий Физик.

Другой смотрел на него и видел ток крови в жилах, и узлы нервов, и всего насквозь, и по дыханию слышал, что у того в легких, как бьется у него сердце, и распознавал срок жизни его.

То был Знаменитый Врач.

Третий взирал на этих двух и думал, как бренны и бесконечно малы они в сравнении с мирами, которые он разглядел в свои трубы и расчислил. Он был Прославленный Звездочет.

Еще один, бывший тут, размышлял о том, как короток шаг этих людей в сравнении с ходом истории и как ничтожен возраст их по сличению с веками. Это был Мудрый Летописец.

А пятый думал: «Да, я, должно быть, изучил все меньше, чем они... Но я постигаю сердцем, как просторен мир, как велик ум человека, как всеобъемлюща душа его. Я не знаю точно ее срока и состава, но могу поведать о ней так, что в нее войдут счастье и гармония, и я подвигну ее на новые дерзания, и в слове моем она обретет бессмертие».

То был Поэт».

...Так хорош был этот вечер, такая, не знающая конца и края, тишина простиралась над морем и плыла куда-то, безмолвная, за остывающий горизонт, чтобы объять покоем весь вечерний мир, что даже а захлопать никто не решился. Пожилые курортники, сопровождавшие Тонгаора, только головы склонили, понимающе покачав ими. Ребята хотя и не все до конца поняли, но почувствовали, что им позволили коснуться чего-то очень большого и бесконечно дорогого для этого высокого, худого, белоголового человека. А тот вдруг закашлялся, приложил к красивому и тонко вырезанному рту белый платок. Отвернувшись, он долго содрогался в кашле. А когда отнял платок, то не успел сразу скомкать его. И ребята заметили на платке красные пятна. Он виновато сунул платок в карман и долго смотрел на принца.

— Смешно и странно сходится порой многое на свете, мальчик, — проговорил Тонгаор. С какой-то горькой нежностью вглядывался он в лицо Дэлихьяра. — Но если бы ты только знал, как ты, мальчик, похож на моего сына! Он остался там у нас... в Джунгахоре. С матерью. Не выпускают... Нет, поразительно похож! Только мой сын чуть постарше... А ты скучаешь по дому... — он замялся, — ну, по своему дворцу, что ли?

Перед глазами принца длинной и медлительной, как караван, чередой прошли бесконечные залы Джайгаданга. Они были затенены тяжелыми занавесами, пустынно и гулки, как пещеры. Толстые ковры, застилавшие их, делали вязкими шаги одиноко слонявшегося по безлюдному дворцу Дэлихьяра. А окна были оплетены вьющимися растениями. Они начинали медленно колыхаться, если подойти к ним. И Дэлихьяр, чтобы посмотреть на то, что происходит вокруг дворца, должен был разводить руками эти тяжело

колеблющиеся зеленые плети и тукаться в стекло окна, как рыба в аквариуме.

Принц сумрачно затряс головой. Тонгаор вздохнул:

— А я скучаю. Очень скучаю... Ведь родина, дорогой мой принц, это не только твой дворец и моя тюремная яма. Это все самое дорогое. Это любишь всю жизнь. А раз любишь — значит, скучаешь. — Он помолчал, насунил вдруг на глаза черные очки, а потом резко сдернул их и еще раз заглянул в лицо Делихьяра. — Хочешь, я пришлю тебе книжку свою?.. Только она вышла по-русски, но ведь ты хорошо понимаешь? Недаром бабка-королева у тебя русская была... Бабашура? Правда?..

Принц радостно закивал.

— Я эту книгу сыну своему посвятил. Так и называется: «Запомни, сын!» Хочешь?

Принц опять закивал поспешно и согласно.

— А скажите... — Тараска, прищурившись, поглядел на принца. — Скажите, товарищ Тонгаор, а вы тоже учите своего сына, чтобы на его тень никто становиться не смел?..

Принца разом бросило в краску. Он метнул яростный взор на болтуна. Тоня тоже нахмурилась. Но поэт, должно быть, сразу понял, в чем дело.

— А что такое тень? Твоя тень!.. Это просто то место, которое ты собой заслони от солнца... По-моему, надо гордиться не тогда, когда ты что-то загородил от света, а тогда, когда ты пустил свет туда, где было темно. Надо так в жизни держаться, чтобы никому солнца не заслонять. Чтобы след твой к солнцу людей вел. Понял? Вот это топтать никому не давай, мальчик.

Тараска хотел еще что-то спросить у Тонгаора и опять протолкнулся к нему, но поэт вдруг замахал на него обеими руками и поспешно отступил.

— Убери, убери эту гадость! — Он указал на дохлого полуиссохшего краба, которого держал за одну клешню Тараска. — Не терплю дохлятины... Я и живых-то их боюсь. Убери, прошу.

Тараска оторопело посмотрел на него, подивился про себя, что такой бесстрашный человек трусит, боится какого-то дохлого краба, и с сожалением отбросил свою пляжную находку в сторону.

Но тут к Тонгаору подошел один из пожилых санаторников, постучал сердито пальцем по часам на своей загорелой руке, потом молча взял Тонгаора за руку и, отвернувшись, постоял некоторое время, как бы прислушиваясь к чему-то. Покачал головой и отпустил руку поэта. Снизу, от подножия скалы, донесся тройной, нетерпеливый сигнал автобуса. И Тонгаор, по обычаю народа Джунгахоры, строго поклонился маленькому принцу, сперва скрестив ладони своих рук перед собой и приложив их к сердцу. Принц собрался проделать в ответ то же, но Тонгаор весело схватил Дэлихьяра за плечи, потряс его по-дружески и легонько-легонько ткнул ладонью в лоб.

А потом выпрямился и отсалютовал по-пионерски всем ребятам, которые радостно вскинули вверх руки ответным салютом.

— Домой, домой! — сердито приказал пожилой курортник и опять потянул за руку Тонгаора.

— Видали, как меня тут строго держат! — пожаловался тот пионером. — Ничего не поделаешь, юные пионеры... Проклятая тахикардия!

— Дэлька, — спросил Тараска у принца, когда спускались в лагерь, — это что, у вас ругаются так по-вашему, что ли?.. Та-хи-кар-дия!

Но принц не знал этого слова. Решили, что так называлась тюрьма, в которой провел долгие годы поэт, Искали это слово даже на географической карте — может быть, страна такая есть вражеская. И только лагерный доктор Семен Исаевич открыл смысл этого слова. Оказалось, что тахикардия — болезнь. Тюремная яма напоминала Тонгаору о себе. Она не только источила его легкие, она зловеще колотилась в его большом сердце, которое долгие годы перестукивалось сквозь камни со всем миром!

Глава X «Запомни, сын!»

(Вот эту главу я бы дал прочесть взрослым. Она как раз для них. Но я верю, что и вам, дружочки мои, тут кое-что пригодится. (Примеч. автора.)

Через день в палатку номер четыре принесли обещанную книжку Тонгаора. На титуле было написано рукой Тонгаора по-русски и по-джунгахорски: Его высочеству принцу Дэлихьяру от верноподданного Ее Величества Правды. А сбоку было приписано:

Принц-дурень дурнем остается, Пока его не вразумят Иль сам за ум он не возьмется. Не сердись, это не я, а Франсуа Вийон, французский поэт, написал еще в XV веке. И знаешь, с тех пор кое-кого успели вразумить. Будь и ты умником, мой мальчик!..

В этот вечер принц был очень задумчив и даже не захотел слушать рассказ Тараски о новогодней елке в Кремле, хотя черед рассказывать был Тараса, так как накануне о слонах и тиграх рассказывал принц. А в палатке номер четыре соблюдалась на этот счет строгая очередность: один вечер — о слонах и Тарзане, другой — о космосе и футболе.

Но тут никто уже не настаивал на порядке. Всем хотелось скорее узнать, про что говорится в книжке Тонгаора.

Если говорить честно, не все до конца было интересно или совсем уж понятно в этой книге. Но, казалось, она говорила о том, про что и сами ребята если не думали, то смутно догадывались. Будто поэт заранее знал, что им хочется вот так думать, именно так понимать и чувствовать все это. И вот теперь помог своей книжкой расслышать всю где-то таившуюся правду.

В книге были и маленькие притчи, вроде уже знакомой пионерам «Притчи о пятерых», и стихи, и примечания поэта к разным поверьям джунгахорцев. Вот как, например, совсем по-новому сказал Тонгаор о легенде про жемчуг и луну, которую уже слышали ребята от принца:

«Солнце светит днем, и жаркое сияние его отражается в цветах, и расправляют цветы навстречу ему лучи-лепестки и наливаются сладостью, чтобы стать плодами.

Луна выходит ночью, отражается в море, и молочный, прохладный цвет ее ловят створки раковин, и зарождается в них жемчуг.

А правда не заходит ни днем ни ночью, как ни тщатся спрятать ее тучи лжи. И лучи истины проникают в ум человека, и в нем, как в створках жемчужин, зреют сияющие зерна знания. И правда отражается, как в цветах, в сердце человека. И расправляет сердце излучение любви своей к жизни и наливается отвагой для борьбы с неправдой и тьмой».

Но особенно забрало ребят все, что было написано в разделе книги, который так и назывался: «Запомни, сын!» Тут вот что особенно запомнилось обитателям палатки номер четыре...

«Где бы ни родился человек — в лачуге или во дворце, он родится законным наследником всех благ, накопленных человечеством».

Тонгаор в своей книге подчеркнул это место красным карандашом: должно быть, хотел, чтобы принц обратил внимание на эти строки.

«Правда родится в хижинах, но сотрясает дворцы».

«Помни, что власть народа — закон и справедливость. Власть над народом — беззаконие и злодейство».

«За все, что происходит в мире людей, отвечаешь и ты! Не отказывайся от ответственности, это и есть — совесть».

И знай: рык совести не заглушить ни райским пением льстецов, ни шумными здравицами в твою честь, ни убаюкивающим шепотком самоутешения, ни пушечными салютами твоим победам.

Мелкими подачками от совести не откупишься. Она требует, чтобы с ней расплачивались сполна, вчистую. И всю жизнь ты должник ее».

«Не позволяй себе брать от жизни больше того, что ты даешь ей сам. Когда чашу весов, на которую положено то, что ты дал, перетянет чаша получаемых тобой благ, пойдешь книзу и ты...» «Жить надо во весь рост, головой в предел, не оставляя зазора между собой и потолком возможного, не расслабляясь в прогибе».

«Береги себя!.. Нет, не в работе, не в борьбе, не в любви.

Там будь безгранично щедр. А вот если требуют, чтобы ты покривил душой, ужался сердцем, притоптал, заглушил, ущемил что-то главное в себе, — тут будь бережен, не уступай себя!» «Плыть надо и против ветра! Но следует знать, откуда он дует, чтобы сообразно этому ставить паруса».

«Будь подобен самолету, а не воздушному змею, который запускают на высоту, а там уж он парит, влекомый течениями воздуха. Взлетай сам, за счет собственных сил, обретаемых в разбеге, и держись своего курса!» «Живи не как живется, а как ты считаешь нужным жить. Не отбивай жизнь, не влачись у нее на поводу, а сам веди ее. Ведь недаром спрашивают про человека: „А какую жизнь он ведет?“ „Будь добрым, то есть умей прощать маленькое зло, задевшее тебя, и не мирись с тем большим, что гнетет всех“.

«Тот, кто упивается своим счастьем среди несчастных, подобен сластене, который, накрывшись с головой одеялом, поедает лакомства, припрятанные от голодных. Когда ты счастлив вместе с другими, у радости твоей открытое лицо».

«Говорят: „Чужая душа — потемки“. Но ты сумей прежде всего разглядеть в ней ответы добра».

«И помни: плевков в чужую душу непременно вернется и в твою собственную».

«Что бы ты ни делал, не красуйся этим, а думай о красоте цели».

«Не льсти себе, когда пришлось тебе тяжело, что другим легче. Всем еще на свете трудно. Вот если ты хоть малость облегчил жизнь кому-то, пусть полегчает на душе и у тебя».

«Чем меньше места занимает человек в жизни, тем больше внимания удели ему. Тянуться перед генералом не хитрое дело, сумей уважить рядового».

«Во всем, что обращено тобою к людям, добивайся взаимности.

Безответная любовь — это небо без земли, космический полет без стремления вернуться домой...» «Верить в бога — бессилие. Ни во что не верить — безнравственность».

Несколько раз перечитали пионеры строки, в которых поэт говорил об искусстве:

«Истинный художник — это божественная страсть созидания, ангельское терпение в труде, дьявольское упорство в борьбе за правду и великая человеческая любовь к жизни».

«Талант — это дар удивлять правдой».

Книга шла по кругу. Каждый читал вслух то, что ему выпадало по очереди. То, что было не совсем понятно, заставляли читавшего повторить. И торжественно звучал в палатке номер четыре голос Ярослава Несметнова, когда он уже в третий раз читал:

— «И помни, сын: за бессмертие обычно платят жизнью!»

А Тараске особенно понравилось одно изречение:

«Если бы взрослые реже забывали, какие они были маленькими, а дети чаще бы задумывались, какие они будут большими, старость не торопилась бы к людям, а мудрость не опаздывала бы».

— Да, Тонгаор твой — это человек в полном смысле! — восхитился, прослушав заповеди поэта, Тараска. — Недаром я за него протестовал. Ты бы хоть вот у него ума набрался. А то так и останешься принц принцем.

И после книжки Тонгаора уже не хотелось ребятам слушать на следующий день очередные рассказы принца о «Книге шести сутей мира», по которой молились в Джунгахоре, где верили, что все на свете состоит из Огня, Воды, Неба, Земли, Жизни и Смерти. Что касается «Четырех опор бытия» — Веры, Силы, Дела и Дружбы, о которых напоминали четыре звезды на флаге Джунгахоры, то тут пионеры дали свои толкования.

— Ну, Вера, я считаю, — пояснял Несметнов, — это значит понятие человека... Ну, чему он научился, узнал, в общем. У нас это — наука. Сила — это, выходит, здоровье. Это, между прочим, вполне и по-нашему так. Правда, ребята? Теперь — Дело. Дело — это я так понимаю; труд человека. А Дружба — она везде дружба. Так что это у вас, Дэлька, не так уж глупо сказано.

И Тараска тоже соглашался:

— Да, ваши там мудрецы тоже с головой. Кое-что соображают.

Тонида попросила у принца книгу Тонгаора на денек и что-то переписала из нее в свою тетрабочку.

— Тут написано: «Запомни, сын!» — сказала она, возвращая книгу принцу и доверчиво заглядывая ему в лицо, — а я думаю, и дочкам сгодится. Правда, Дэлик?

Глава XI Трудодень его высочества

По радио сообщили, что надвигаются штормы и ливни. А в колхозе «Черноморская звезда», неподалеку от лагеря «Спартак», только что начали собирать помидоры. В этом году лето было жаркое, и помидоры созрели очень рано. Надо было срочно вывезти уже снятые в порт. Ливни грозили им гибелью. И тогда школьники из соседнего портового города и расположенных вблизи поселков и ребята из пионерских лагерей решили помочь колхозникам.

Предложили отправиться в колхоз «Черноморская звезда» и желающим из пионерского лагеря «Спартак».

У Гельки Пафнулина, конечно, сразу же, еще накануне того дня, заболел живот. Он стал ныть, корчиться и получил-таки от доктора порцию очистительного. Зато порцию мороженого, причитавшуюся ему за обедом, чтобы оно не повредило больному, с удовольствием съел Тараска за его здоровье. Ну, разумеется, Тонида, Тараска, Несметнов и все мальчики из палатки номер четыре, как и многие другие ребята, кто был покрепче и постарше, собрались идти на субботник в колхоз. Принца решили, конечно, не брать с собой. Но, услышав об этом, Дэлихьяр кинулся к начальнику:

— Михаил Борисович, почему, у-это, меня совсем не берут?

— Милый ты мой, дружок дорогой! — Начальник старался говорить как можно убедительнее. — Ну королевское ли это дело — помидоры собирать?

— А почему, у-это, Ленин?.. Когда на субботник работать, он тоже вместе таскал... Ребята мне рассказали... И я хочу вместе.

— Да не равняй ты себя с ребятами.

— А я хочу, у-это, равняй!

— Ты пойми: наши ребята народ привычный. Поработают, сколько успеют, и делу польза, и им интересно, и руки у них не отвалятся.

— И у меня нет, у-это... не отвалятся! — Дэлихьяр протянул свои маленькие руки, пошевелил необыкновенно гибкими, способными выгибаться во все стороны пальцами.

— Не знаю, как у тебя там руки, — начальник потер себе кулаком темя, — а голова у меня определенно от вас всех отважится. Ну, не было, не было еще в истории такого, чтобы наследник престола в колхозе работал. Не было, пойми!

— А Слава Несметнов говорил, так было, — вдруг возразил принц, успевший послушаться в палатке номер четыре всякого и по русской истории. — Он говорил, у вас был такой царь, у-это, Петр, очень великий. Вот такой!.. Он сам ездил, у-это, за границу, далеко, работать.

— Послушай, ты, королевич! — уже окончательно рассердился начальник. — Ты меня, пожалуйста, истории не учи. Я и без тебя ее знаю, тем более нашу отечественную. И времена были тогда другие, и царь иной... Здоровнейший мужчина был, во — ростом! А куда же ты?

— Я все равно, у-это, пойду с ними, — упрямо твердил принц.

В конце концов начальник сдался и позвал водителя.

— Ну, забирай эту августейшую особу, чтобы я его больше тут не видел! — скомандовал начальник Юре. — Забирай, раз уж ему так приспичило, но чтобы там у меня — смотри! Ответишь перед всей международной общественностью.

Когда принц с водителем уже выходили, начальник сделал знак Юре, чтобы тот вернулся в кабинет.

— Ты там правда, прошу тебя, погляди все-таки. А то эта палатка номер четыре, я вижу, так его разгитировала, что он кишки надорвет. А кто за последствия будет отвечать?

И наутро по дороге, которая вела в горы от лагеря, зашагали отряды спартаковцев.

Вышли рано. Небо было ясное. День, казалось, предвещал добрую погоду. Но иногда в теплом воздухе сквозили вдруг какие-то холодные токи и налетал изредка порывами шумевший в деревьях и нагонявший волны на море ветер. Надо было спешить. Ребята шли с небольшими рюкзаками за спиной. У них были кое-какие припасы на день. Спартаковцы из палатки номер четыре приговаривали на ходу в такт шагу; «Мерихьянго, джунго ронго табатанг!.. Табатанг! Джунго ронго табатанг!» Что по-джунгахорски означало: «Империалисты, народ Джунгахоры требует, чтобы вы убирались. Убирайтесь, народ Джунгахоры требует».

Этому научил пионеров принц, и очень здорово у них получалось: «Мерихьянго, джунго ронго табатанг!» Дорога круто вела в гору. Море то исчезало за поворотом ущелья, то потом снова появлялось. И каждый раз его было все больше и больше. Оно становилось неоглядно огромным и занимало теперь уже, казалось, половину всего обозреваемого пространства. И горизонт поднимался как будто вместе с ребятами, шедшими в гору.

Это в ущельях гудело: «Табатанг... Джунго ронго табатанг...» А потом был очень трудный день. Надо было носить огромные зелено-красные, тугие и лоснящиеся, как боксерская перчатка, помидоры в корзинах, складывать в ящики, сбитые из занозистых досок с широкими просветами между ними, и тащить эти тяжелые ящики на весы. А потом нести к то и дело подъезжавшим грузовикам. Ветер с моря дул все сильнее, и даже разгоряченные ребята чувствовали, что каждый порыв его словно холодней, чем предшествовавший. Небо начинало заволакиваться тучами. Бюро прогнозов не ошиблось, где-то уже глухо погромыхивало за горизонтом.

Сперва Дэлихьяру было страшно, когда он увидел огромную груду помидоров и поволок с Тараской первую корзину. Ему подумалось, что он не справится. Дело казалось непосильным. Если бы не было стыдно перед ребятами, он бы отказался. Но потом вдруг все пошло легче. Он приспособился, приноровился. Да и ребята вокруг него шутили, подбадривали, осторожно один за другим ступая по склону горы, неся полные помидоров корзины к весам близ шоссе. Все тотчас же возвращались бегом, уже размахивая порожними корзинами, а Тараска надевал корзину себе на голову и хлопал по ней, как по барабану.

Некоторое время все шло очень хорошо и складно. А потом опять вдруг стало очень трудно, и каждый раз было все труднее и труднее. Принц с Тараской стали отставать. Другие ребята в одиночку успевали сдать на весы больше помидоров, чем они вдвоем. Подошла Тонида, хотела помочь.

— Давай, Дэлик, подсоблю, — предложила она, — а то не выполнишь задание.

Но принц очень рассердился:

— У-это, уйди... У-это, не Джунгахора, не поддамки. То есть, у-это, не поддавки.

— Как хочешь, — сказала Тонида и отошла, ничуть не обидевшись и даже как будто довольная.

Вот и последняя корзина с крупными, тяжелыми, давно спелыми помидорами была отнесена на весы, а потом осталась лежать возле них вверх дном, порожняя и уже ненужная.

Запыленные, сами красные, как помидоры, побежали ребята к колодцу помыться. Но Тонида повела принца к ручейнику, который был возле сторожки. С ними увязался, конечно, и Тараска. И пока принц плескался под ручейником, который очень его забавлял

— поддашь снизу, а сверху льется, — Тараска, видно, наболтал что-то старухе сторожихе, потому что она побежала за чистым рушником — полотенцем и, пока принц утирал лицо и руки, все приговаривала:

— В нынешний период принцам уж какой ход! Тем более без отца, без матери... Тут уж и в хоромах не жизнь, будь ты хоть принц, хоть кто...

А на прощание она отозвала Тониду и, отсыпав ей слив в пакет, тихонько стала поучать:

— Вы его уж там не очень шпыняйте, а то озлобится и после — народ тиранить. Мальчонка он, видно, душевный, совесть имеет.

Затем спартаковцы и ребята из соседних прибрежных поселков и из портового города сложили вместе все припасы, вытряхнутые из рюкзаков, и поделили все по-братски. И на костре в большом котле-кагане варили похлебку. Тонида, размахивая огромной ложкой — половником, — проворными руками разливала кому в котелок, кому в чашку, покрикивая:

— А ну давай, кому добавки? А ну подставляй, подзаряжайся!

На обратном пути прихватил ребят начавшийся дождь. Хорошо, что успели отгрузить все помидоры, теперь им было уже не страшно, они следовали куда полагается — в порт для отправки на пароход. Дождь был еще теплый, и ребята с удовольствием подставляли под его веселые струи свои разгоряченные лица. Только принц все прятал что-то очень бережно под куртку во внутренний карман. То была справка, выданная в правлении колхоза «Черноморская звезда». В ней, в этой бумажке, говорилось, что принц Дэлихьяр Сурамбук заработал половину трудового дня в колхозе «Черноморская звезда» и имеет право на соответствующее начисление.

Как уже заранее было договорено, все заработанное ребятами должно было пойти на укрепление памятника доктору Павлу Зиновьевичу Савельеву — основателю «Спартака».

Принц шагал очень гордый, то и дело поглядывая на свои ладони, иногда трогая их языком. Ладони были солоноватые, и там, где начинались пальцы, вздулись и слегка саднили бледноватые, странные, немножко похожие на маленькие сердолики полупрозрачные пузырьки. Один из них был содран и кровоточил.

— Тарасика, у-это, что у меня такое? — спросил наконец, не выдержав, принц.

— Самые нормальные мозоли, — сказал Тараска. — Ты что, никогда не видел?

— Нет, у-это, в первый раз вижу, — признался принц. С уважением всматривался он в собственные ладони.

Глава XII

Волны далекого шторма

Уже заметно укоротился день, и надо теперь было торопиться, чтобы вовремя, до ужина и линейки, поспеть на скалу доктора Савельева и полюбоваться оттуда заходящим солнцем. И все ближе подступали сроки расставания. Об этом не хотелось думать, но думать приходилось. Принц очень жалел, что с ладоней его уже почти сошли трудовые мозоли. Он даже пошел к лагерному врачу Семену Исаевичу, чтобы попросить как-нибудь закрепить эти почетные знаки, но доктор сказал, что ничего искусственно сделать тут нельзя. Мозоли зарабатываются трудом.

Все чаще вспоминался ребятам дом, и нет-нет да и начинали заговаривать пионеры о том, что происходит у них сейчас в родных местах, и показывали или даже читали друг другу вслух письма. А письма были полны всяких хороших новостей. Тараске писали, что его ждут уже на новой квартире и отложили до приезда из лагеря праздник новоселья. И даже на конверте был уже совсем другой адрес, не тот, по которому прежде писал домой Тараска.

Ярославу Несметнову отец-шахтер сообщал, что он вернулся из санатория, что ломота в ногах совсем после ванн прошла и что по приезде сына отец с ним готов помериться в беге на стометровку и еще поглядим, мол, кто кого...

Сообщали о том, какой урожай яблок ожидается, сообщали об открытии новых улиц и переименовании старых, о приезде родственников, о новых интересных картинах в кино. О разных плохих новостях старались, должно быть, не писать, чтобы не огорчать ребят на отдыхе, да и, кроме того, правда, хорошего в жизни становилось все больше и больше.

Немало писем получила и Тоня Пашухина. Писали подруги из детдома, жившие лето на приволжской даче. Просили привезти обязательно морских камешков для коллекции. И учительница Клавдия Васильевна сделала в одном письме приписку о том, что соскучилась по Тоне Пашухиной и ждет не дождется, когда снова начнутся занятия в школе и все опять будут вместе.

Ну, насчет того, чтобы ждать не дожждаться занятий, так об этом ребята не так уж часто говорили, но все же каждый что ни день больше думал о той главной жизни, которая ждала его дома после солнечных, веселых, но чуточку уже начавших приедаться лагерных дней. Только принцу некуда было спешить. Да и писем он ни от кого не получал. Звонили несколько раз из Москвы из посольства, справлялись у начальника, все ли у принца в надлежащем порядке. Пришло еще письмо от министра двора из Хайраджамбы. Министр двора Его величества короля Джунгахоры Джутанга Сурамбияра сообщал Его высочеству принцу Дэлихьяру Сурамбуку, что Его величество здравствует, благоденствует, чего и Его высочеству желает. Но даже о слоне Бунджи, единственном живом существе, по которому скучал принц, никто ни слова не написал Дэлихьяру. «Остаюсь Вашего королевского высочества верноподданным и преданнейшим слугой», — писал в конце своего послания министр.

«Ну и оставайся», — мрачно думал принц. После уютной палатки номер четыре, прохватываемой соленым, так хорошо пахнущим ветерком, не хотелось возвращаться в колодезный сумрак Джайгаданга. А о поступлении в суворовское училище что-то ничего пока слышно не было. Министр двора об этом не писал, а директор сказал, что и ему на этот счет пока еще ничего определенного не сообщили.

В последнее воскресенье решено было вручить принцу пионерский галстук. Он, собственно, давно уже заговаривал об этом, но ребята считали, что надо сперва проверить человека достоин ли он, будучи королевского звания, носить алый знак пионерской доблести. Теперь всем было ясно — достоин.

Весь лагерь собрался на большой Площадке Костра, там, где была лагерная мачта с алым флагом.

Начальник Михаил Борисович пришел на сбор очень торжественный, в белом пиджаке, на котором в такт его шагам побрякивали ордена и медали. И сколько у него их было! Ребята даже глаза вылупили. Они и не ожидали, что у начальника «Спартака» так много боевых и всяких прочих наград.

Все ждали Тонгаора. Он обещал приехать в этот торжественный день.

Но перед самым сбором позвонили из санатория «Стрела» и сообщили, что Тонгаор заболел: у него опять пошла кровь горлом. Отбитые в застенках Шардайяха легкие напомнили о пережитом. Надо было начинать сбор без него.

Пробили дробь барабаны, сыграли сигнал «Слушайте все!» лагерные горнисты. Михаил Борисович поднялся на маленькую трибуну возле мачты.

— Дорогие ребята, уважаемые друзья, юные пионеры! — сказал начальник. — Мы сегодня вручаем алый пионерский галстук гостю из далекой страны Джунгахоры. Он показал себя хорошим товарищем, верным человеком. Не правда ли?

— Правда, верно! — загудели ряды спартаковцев, прямоугольным строем охвативших мачту.

— Я тоже так думаю, — продолжал Михаил Борисович. — Конечно, мы его по нашим пионерским законам не имеем права полностью принять в организацию, но есть предложение считать его другом нашего лагеря «Спартак» навечно и заочным, так сказать, пионером. Неизвестно еще сейчас, как у него сложится жизнь, но верю я, все мы с вами верим, что будет он жить по чести, по совести, уважая тех, кто трудится, и стараясь, чтобы

народ в Джунгахоре имел справедливую и хорошую жизнь. Вот тут я и скажу ему: «Будь готов!» И принц, выпрямившись, вскинув руку, закричал что есть силы:

— Взигада хатоу!..

Наконец-то он имел законное право кричать так. Ему давно уже хотелось самому, от себя лично, произнести эти заветные слова, которыми на линейке откликался весь лагерь. Он и прежде под шумок произносил вместе с товарищами, выговаривая по-своему — «Путти хатоу! — Взигада хатоу!» — слова этой таинственной и прекрасной, зовущей в какое-то необыкновенное будущее присяги, где слышались боевой приказ и ответная клятва. Но сегодня Дэлихьяр произнес это уже с полным на то правом. По знаку Юры он вышел из строя и замер перед трибуной. Вожатый медленно и важно повязал на его шею красную косынку и стянул ее узлом спереди на груди. И все пионеры в строю вскинули руки вверх салютом, а над трибуной на второй небольшой мачте медленно всплыл раздуваемый ветром флаг Джунгахоры.

А потом был концерт. Пел пионерский хор. И две девочки исполнили джунгахорскую пляску в честь принца-пионера. Но это еще было не все. Загремели барабаны, запели трубы, хохот, визг прокатились по рядам спартаковцев, и на площадку вышел слон. Да, друзья мои, слон! Размахивая матерчатым хоботом, он ногами, похожими на балахоны, шатаясь из стороны в сторону, топтал площадку. То перегибаясь пополам, то сам себе наступая на ноги, слон приблизился к принцу, поклонился ему, подогнул передние ноги. И Юра помог принцу вскарабкаться на спину слона. Но тут слон не выдержал, расфыркался, захохотал на два голоса и провалился посерединке. Туловище его перекрутилось жгутом. Из-под смятой материи вылезли Слава Несметнов и Тараска, и оба они вместе с принцем барахтались, путаясь в балахонах и катаясь по земле со смеху.

На другой день погода совсем испортилась. То и дело накрапывал дождь. Ветер словно затаился. Но где-то, должно быть, в море был шторм, потому что огромные взбаламученные волны мертвой зыби накатывались на пляж, волоча песок и водоросли. И море стало полосатым и рыжим, как тигр. Яростное и ревучее, вгрызалось оно в прибрежную гальку.

Шторм проходил стороной, издав гоня к лагерному берегу тяжелые валы. Где-то, видно, разыгрался нешуточный ураган. В горах, через которые шла электропередача, повалились опоры, и в лагере потух свет. Ужинали при свечах и фонарях. Пламя их оставалось неподвижным, в душном воздухе не чувствовалось ни дуновения. Все глуше ревели и успокаивающееся море. Прибой стих. Снизу от моря доносилось лишь легкое, бархатистое, умиротворенное рокотание ворошимой волнами прибрежной гальки. Море мурлыкало, как кошка, устраивавшаяся на ночь.

Непривычно темно было в лагере. И принц еще перед ужином сговорился с Тонидой, что они под покровом спустившейся ночи встретятся на берегу у самого моря. Им давно хотелось поговорить о чем-то важном. И, пользуясь темнотой, так как в лагере, если не считать маленького электрического фонарика Славы Несметнова, были лишь свечи, Дэлихьяр спустился к морю. Здесь было свежее, чем наверху, но все-таки чувствовалось, что вечер душный, и затишье как бы предвещало что-то тревожное.

Они встретились в условленном месте — Дэлихьяр и Тонида, — у высоких плетеных кабинок для переодевания. У них давно уже было задумано забраться как-нибудь в эти кабинки, соединиться проводами через маленький транзистор принца и попробовать вести разговор так, словно они в космосе, как разговаривали там, под звездами, «Ястреб» и «Чайка». Ведь похожи же были эти маленькие, вертикально торчавшие конусообразные кабинки на космические ракеты. Во всяком случае, и Дэлихьяру и Тониде казалось, что очень похожи.

Тьма густела, только слева на горизонте образовался просвет, заполнившийся розоватым сиянием. Там должна была вскоре взойти луна. Принц влез в свою кабинку, а Тонида, взяв подключенный к его транзистору провод, вошла в соседнюю. Оба занавесились

в своих кабинках. Принц стал налаживать аппарат. В нем что-то тихонько попискивало. Потом Дэлихьяр переключил транзистор на телефонную связь и сказал тихо в капсулу наушника:

— Ту-ось-я, ты слышишь меня?.. Прием, прием...

В тишине мурлыкало море. А там, на горизонте, вдруг проступили огнисто-сверкающие плесы. Накалилось докрасна море и словно вздулось, огнеполосое. Вспучиваясь, прорвалось наконец, и огромная, полная, багрово-рыжая луна вылупилась из моря, гладкая, как скафандр космонавта. И пошла забирать вверх. Видно было почти на глаз, как она быстро поднимается все выше над морем.

— Прием, прием... — повторил в наушник принц.

— Слышу тебя, Дэлик, слышу, — раздалось в маленьком транзисторе, — а ты меня? Прием, прием...

— Я тебя слышу, давай разговаривать... У-это, никого нет, да? Мы только... А все далеко-далеко. Спроси меня что-нибудь, Ту-ось-я. Прием, прием...

— Скажи еще раз так, как это чудно ты говоришь «Тося». Меня никогда так никто не звал. Ну, скажи. Прием, прием...

— Ту-ось-я, — произнес он как можно нежнее в капсулу наушника. — Ту-ось-я. Я плохо говорю?

— Нет, нет, ты очень хорошо говоришь. Так никто не говорил. Теперь ты спроси. Прием, прием...

Им и правда казалось, что они ужасно далеко-далеко от всех. А луна как будто летела к ним навстречу, и где-то в просветах между тучами уже виднелись звезды, словно тучи расступились, освобождая дорогу им двум, летящим рядом в мировом пространстве и тихо переговаривающимся между собой.

— Ты что больше всего на свете, у-это, любишь? — спросил принц. — Прием, прием...

— Я — Волгу нашу. Когда солнце садится у нас в Горьком, с откоса такой вид далеко... Прямо будто всю жизнь вперед видишь до самого края света. А ты? Прием, прием...

— А я — утро, у-это, когда все еще спят, а я уже нет. И я все вижу, а никто еще не видит. Я уже днем, а все еще ночью. Я понятно сказал?.. Прием, прием...

— Конечно, понятно. Ты очень хорошо сказал. Я тебя слышу очень ясно, и я так представила себе, как ты сказал... Можно тебя еще спросить? Прием, прием...

— Можно, у-это, сколько хочешь. Прием, прием...

— А ты когда был самый, самый счастливый? Прием, прием...

Тоне пришлось долго ждать ответа, она даже несколько раз дунула в наушник и повторила: «Прием, прием...» Наконец она услышала:

— Никогда не был, у-это, скучно было. А сегодня я самый, самый счастливый.

— Почему?.. Прием, прием...

— Потому, что, у-это, ты так говоришь со мной...

— Скажи еще раз, как говорил: Тося.

— Ту-ось-я...

Что-то не совсем ладно было в аппаратуре, потому что в разговор прорвались какие-то посторонние голоса. Мир толкался к ним в уши, пел, подвывал и бормотал что-то. Принц повернул пальцем маленький винтик на транзисторе и совсем перестал слышать Тоню. Путано загомонило, оборвалось, снова, уже тоненько, затукало в самое ухо.

И вдруг он ясно услышал, как кто-то позвал его очень издалека. Да, он ясно слышал, как чей-то низкий голос произнес: «Дэлихьяр Сурамбук...» Кто-то звал его из неведомой и загадочной дали. Он услышал английскую речь. Он неплохо понимал по-английски. Какая-то далекая станция сообщала: «.Результате чего король Джутанг Сурамбияр отрекся от престола в пользу своего младшего брата, наследного принца Дэлихьяра Сурамбука. В настоящее время принц находится за пределами Джунгахоры. В самые ближайшие дни, как нам сообщили из Хайраджамбы, принц вернется в столицу и займет престол Джунгахоры как

король Дэлихьяр Пятый».

Голос в транзисторе ушел куда-то, сместился, кто-то запел в самое ухо, потом послышались свист и завывание. Тщетно в своей кабинке Тоня повторяла: «Прием, прием...» Дэлихьяр не откликнулся. В смятении крутил он винтики и рукоятки транзистора. Несколько раз он слышал свое имя со словами на разных языках: «Клейне фюрст Дэлихьяр...», «Пти прэнс Дэлихьяр...», «Принц Дэлихьяр...» — звали его на всех языках. Мир словно взывал к нему, мир звал его к власти. Он сперва растерялся, не зная, что должен сейчас делать. Он выскочил из кабинки, подбежал к соседней, схватил за руку Тоню, потянул за собой.

— Туонья!.. Туосья! — бормотал он, задыхаясь от тревоги и нежности. — Ты слушай, — он прижимал к уху ничего не понимавшей Тони транзистор, — слышишь? Я — король! Понимаешь? У-это, брат больше не король, сейчас сказали. Король — я. Теперь я буду делать, у-это, так, как хорошо.

Тоня молчала. Она отняла от уха наушник, в котором что-то попискивало, курлыкало и булькало, отдала аппарат Дэлихьяру.

— Значит, уже не поступишь в наше суворовское? — спросила она.

Принц растерялся. Он думал сейчас не об этом, он думал, что надо ехать домой, в Джунгахору, и что-то делать там, чтобы было людям лучше, чтобы было не так, как раньше. Чтобы никого не бросали в ямы. Чтобы Тонгаор мог вернуться к сыну, и, возможно, он, Дэлихьяр, подружится тоже с этим мальчиком, сыном поэта. И чтобы на слонах катались теперь те худенькие голые ребятишки, которых полицейские отгоняли бамбуковыми палками от дворца Джайгаданга. И чтобы мерихьянго не очень-то распоряжались в Джунгахоре. И, может быть, Тоня тоже теперь поедет в Джунгахору?

— Ты тоже поедешь, у-это, к нам, — просительно заговорил он. — И мы с тобой будем, как брат, у-это, и сестра. Я скажу, чтобы ты жила у нас в Джайгаданг.

Луна опять зашла за тучи, и сквозь сгустившийся сумрак не видно было глаз Тони, но Дэлихьяр знал, что она смотрит на него.

— Поедешь, у-это, к нам? — спросил Дэлихьяр.

Она молчала. До этого вечера никто и никогда не называл ее Тосей. Звали Пашухиной, Тонидой, Торпедой, Тонькой-Боеголовкой, иногда — Тоней. Но вот Тосей назвали в первый раз.

Нет! Она вспоминала сейчас не дразнилки, которыми ее изводили в детдоме мальчишки, и не старые обиды, а их было немало, и не те трудные дни, когда они переезжали в новое помещение детдома и два дня было холодно в сырых стенах, да и с едой тоже было плохо: так как кухня еще не работала, приходилось есть все холодное, и был скандал в роно. И не то вспоминала она, что ей выдали однажды платье, которое было мало с самого начала, и все смеялись, дразня ее гуской. Раньше она все это помнила, а сейчас думала совсем не про то. Волга текла большая, спокойная. Звезды и бакены отражались в ее глади. И где-то далеко за песками, почти ушедшими в воду, гудел и гудел пароход, зовя ее: «То-то-то-то-ня!..» Или еще вот как шла она с ребятами под музыку. Им махали с трибун, и знамя трепало шелком по щеке и щелкало, заигрывая, по носу. И то вдруг вскидывалось парусом и несло вперед. И как писали письмо космонавтке Вале, а она ответила, что они будут, может быть, такими же... И вспомнилось, как она ездила с экскурсией на автозавод и старая работница в синем комбинезоне сказала:

«Вот становись, учись. Мне уже время вроде на покой, а ты заступай. Не с ходу, конечно, а помалу, полегоньку. Ты, видать, сноровистая и главное ухватываешь, доверить можно».

И учительница и воспитательница Лидочка, Лидия Владимировна, тоже любила говорить, когда казалось, что трудно:

«Молодец ты, Антонида, уважаю я тебя. Верю. Понимаешь, верю. Справишься».

Ей верили. Могла ли она поступить так, чтобы о ней подумали, будто обманулись в ней? Все это и было и оставалось самым дорогим на свете. Нигде и никогда не могло бы стать что-нибудь важнее и дороже. Разве можно было отрешиться от этого, не доказать, что

верили не зря? Она почувствовала себя большой, уже совсем взрослой, куда более старшей, чем маленький Дэлихьяр, хотя тот и стал теперь королем.

— Эх, Дэлик ты, Дэлик, — очень тихо проговорила она, — додумался... Хоть и король ты, а еще вовсе дурная твоя головушка. Ну куда ты меня зовешь?

Он встрепнулся:

— Хочешь, тогда я сам буду не ехать? Хочешь, я, у-это, отречусь?

— Что ты, Дэлька... — Голос у нее был словно усталый. — Ты же должен, это ведь нельзя. Тебе вышло заступать. Он подошел к ней совсем близко, виновато заглядывая в глаза. Луна снова выбралась из-за туч. Строго и печально смотрели на маленького короля из-под сросшихся бровей немигающие глаза Тони.

— Положи мне руку сюда, у-это, где сердце... как у нас в Джунгахоре, если дорогой друг, надо делать, — сказал Дэлихьяр и, осторожно взяв руку ее, подставил под нее свой левый бок. — А другую, у-это, ты себе сама... тоже так... Вот. А я себе на лоб и тебе. — Он осторожно коснулся своей ладонью ее прохладного лба. — Вот так. Мы теперь, у-это, все знаем друга друга. Да?

— Ага, — не то согласилась, не то просто выдохнула Тоня. — Что на уме, что на сердце.

— Ты — Туонья, — сказал король, — и еще ты — Туосья. Я хорошо так говорю?..

Глава XIII Ночь большого совета

Обеими руками прижимая к неистово колотившемуся сердцу приемник-транзистор, он с разбегу просунулся в палатку номер четыре.

И замер. В палатке было уже темно и тихо. Бушевавший днем шторм повредил электросеть на берегу возле гор, и в лагере «Спартак» из-за темноты все сегодня легли пораньше.

— Ребят-ты, — осторожно, с придыханием позвал принц, стараясь хоть что-нибудь разглядеть во мраке. Голос у него был виноватый. — Вы уже, у-это, укладались спать?

— Это кто? — послышалось из темноты. — Дэлька, это ты, что ли? Чего не спишь? Где гоняешь?

— Ну... у-это... Я могу сказать, когда утро... Только я, у-это...

— Да ну тебя! «У-это, у-о»!.. Говори толком, раз уж разбудил. Чего натворил?

И все в палатке услышали сквозь темноту робкий голос чем-то, видно, очень смущенного Дэлихьяра.

— Ребят-ты, у-это... Я не натворил сам. Хотите — верь, не хотите — не верь. Только, у-это, я сделался король.

— Это что, точно? — проговорил кто-то спросонок из дальнего угла.

— Честная правда! Клянусь солнцем и луной, пусть мне не светит! Сейчас, у-это, по радио...

— Слушай, ты брось, в самом деле... Какое радио? Тока же в лагере нет. — Слышно было, как Слава Несметнов резко поднялся на своей койке.

— Так у меня, у-это, транзистор, честное пионерское!.. Ну, если хотите, у-это, честное королевское!

Такой клятвы в палатке номер четыре еще никогда не слышали, и теперь все приобретало уже какую-то убедительность.

— Вот это будь здоров, ваше величество! Вот так номер! — завопил из темноты Тараска. — Славка, да посвети ты ему своим батарейным!..

Там, где слышался голос Славки, чикнуло. И разом перед ребятами высветились чуточку распыленные ноздри, пухлые губы и края век с дрожащими ресницами. Несметнов направил вспыхнувший луч прямо в лицо Дэлихьяру, потом деликатно отвел фонарик. Нет, должно быть, Дэлихьяр не врал. Но кто со сна, а кто из нежелания нарваться на розыгрыш

еще не верил. Тут вспомнили, что как раз в этот час должны передавать из Москвы «Последние известия». Дэлихьяр мигом настроил свой приемник. И верно, Москва уже передавала ночной выпуск, а после сообщения по стране, только лишь пошли зарубежные новости, все услышали:

«В результате военного переворота в Джунгахоре король Джутанг Сурамбияр отрекся от престола в пользу своего малолетнего брата принца Дэлихьяра Сурамбука, который в ближайшее время взойдет на престол под именем Дэлихьяра Пятого...» — Делишки... — произнес Тараска. — Как решать будем? Все были несколько подавлены сообщением. К тому, что в палатке живет принц, уже давно привыкли. Но сейчас тут был король. Что ни говори, властелин целой страны. Как теперь надо было с ним поступать? Ни в одной «Книге вожатого» слова не было об этом.

— Да, тут думать и думать, — изрек Тараска.

— Ребят-ты, — тихо начал Дэлихьяр, — вы, у-это, только скажите... Может быть, я, у-это, еще не очень совсем доразвитый... Вы мне помогите, раз, у-это, пионеры.

...И собрал король той ночью Большой совет. И был этот совет в палатке номер четыре пионерского лагеря «Спартак» на берегу Черного моря. Надо же было помочь человеку, если его поставили королем.

— А что, если ему отречься? А народ пусть сам правит, — предложил многомудрый Тараска.

— погоди ты, — рассудительный Ярослав ткнул ему в лицо лучом фонарика, — тут надо с умом. Пока он король, так может командовать. А если сам себя отменит, так неизвестно еще, что там наворочают.

Решили, что прежде всего новый король должен обратиться к населению Джунгахоры с манифестом в центральных газетах. Так всегда в подобных случаях поступают цари и короли. На листке, вырванном из тетради, служившей недавно боржурналом в День космонавта, стали при свете электрофонарика составлять манифест.

— «Здравствуйте, граждане Джунгахоры! Уважаемый народ! Это пишет вам бывший принц Дэлихьяр Сурамбук, а теперь я буду у вас король Дэлихьяр Пятый. Я всегда был за народ и против мерихьянго и таких, которые за них и за войну. Я всегда буду за мир. Я вам обещаю, у-это, справить праведливо... ой, у-это, править справедливо».

— И не очень уж командовать, — подсказал Тарасик.

— «И не очень уж командовать», — послушно записал король.

— Ты знаешь что? — прервал вдруг ход совещания Несметнов. — Ты вот что!.. Обещания-то некоторые давали, а как начинали править, то все забывали. Ты вот надень галстук и дай нам тут клятву, что будешь править по такому закону, как нам обещал: «Слоны — всем! В ямы — никого! Мерихьянго — вон!» Все пионеры дружно поддержали Несметнова и потребовали, чтобы в королевском манифесте было записано, что слоны, которые прежде могли принадлежать только богатой верхушке «хиара», теперь должны стать достоянием народа. В тюремные ямы с желтыми кусачими муравьями новый король поклялся никого не бросать. А иностранных захватчиков, империалистов мерихьянго, пообещал гнать в три шеи.

Король надел пионерский галстук. Слава Несметнов посветил ему фонарем, чтобы правильно был завязан узелок на груди короля. Дэлихьяр по-пионерски отсалютовал всем и произнес присягу, которую от него потребовали. И все ребята свели с королем руки вместе и негромко, но торжественно повторили:

«Слоны — всем! В ямы — никого! Мерихьянго — вон!» Вообще жизнь в Джунгахоре при короле Дэлихьяре Пятом обещала быть хоть куда!

Долго шел государственный совет в палатке номер четыре. Несколько раз, когда слышались шаги дежурного по лагерю близ палатки, все члены совета кидались на койки, покрывались одеялами и принимались в темноте усердно сопеть. Потом осторожно высвобождали головы, прислушивались, спускали ноги на пол — и заседание Большого совета продолжалось. В ту ночь было подвергнуто обсуждению немало реформ, которые

король собирался провести в Джунгахоре. Решено было, например, создать при дворе короля Постоянный главный детский совет. После некоторых словопрений решили допустить в него и представителя от родителей.

Разногласия возникли вокруг вопроса о школьном обучении. Сперва тут все было ясно. Все дети Джунгахоры должны были учиться. Ничего не поделаешь... Но вот Тараска выступил против совместного обучения с девочками.

— Ну их, в самом деле, — отмахивался он. — Я тебе, Дэлька, не советую. У нас вот уж социализм давно, а и то житья от них нет.

Но король надолго задумался и, должно быть вспомнив про кого-то из третьей дачи, где жили, как известно, пионерки, решительно заявил, что девочки будут учиться в Джунгахоре непременно вместе с мальчиками.

— Ребят-ты, — вдруг осторожно и заискивающе осведомился он, — а можно мне, у-это, один слон, чтобы мой оставить?

— Ага! — злоратно накинулся на него Тараска. — Как до слона, так уж слабо стало.

Слава Несметнов заткнул ему рот лучом своего фонарика. Тот чуть не подавился. Остальные ребята тоже не согласились с Тараской. Одного персонального слона решили пока оставить королю Джунгахоры.

— Ура-а-а! — воскликнул король и от радости встал на голову, как его обучил еще недели две назад Тараска.

Его величество тут же заработал хорошего шлепка по затылку, чтобы не шумел, так как дело было ночное и давным-давно уже всем в лагере полагалось, по правилам, видеть если не седьмой, то по крайней мере третий сон.

Долго еще продолжался совет. Утвердили закон, по которому в космос разрешалось теперь летать всем, не глядя на происхождение. Прежде-то по закону Джунгахоры даже в обычную авиацию, не говоря уж о космосе, допускались только представители знатных родов. Тут посыпались еще всякие предложения и законопроекты, но солидный Слава Несметнов шикнул на разошедшихся пионеров:

— Полегче вы, поаккуратней, ребята, давай без вмешательства! Как бы нам тут дров не наломать. Пойдет еще мировая заварушка, втяпаем всех. Верно я говорю, Тараска? А?

Он направил луч фонаря в угол на Тараску, но увидел, что тот уже спит, приткнувшись к плечу короля. А Дэлихьяр Пятый тоже мирно посапывает вместе со своим советником. Оба еще не привыкли решать государственные вопросы по ночам. Пришлось отложить дело до утра. Как известно, оно вечера мудренее, а без мудрости попробуй-ка править государством.

Глава XIV Первое утро короля

Шли слоны. Мягко ступая тумбами ног, шагали слоны. И на первом под балдахинном сидели король и Тоня. Потому что, как сказал Тонгаор, где бы ни родился человек — в лачуге или в палатках, он родится законным наследником всех благ, которые накопило человечество.

И играла музыка. Что-то замирало от ее звуков в груди, и сердце мерно колыхалось, как волна в море, как широкая, округлая спина большого слона.

Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой..
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой...

Это была любимая песня молодого короля. И народ кричал:

«Да здравствует король Дэлихьяр Пятый!.. Слоны — всем! В ямы — никого! Мерихьянго — вон!» «Мерихьянго, джунго ронго табатанг! Табатанг, джунго ронго

табатанг».

Били пушки, и в горах эхо раскатывало: «Табатанг!.. Табатанг!..» Кто-то громко в самое ухо короля назвал его, и Дэлихьяр открыл глаза.

«Табатанг!» — гулко и внятно произнесла совсем рядом волна, бухнула в берег под самой палаткой и, уползая, шурша, зарокотала: «Мерихьянго...» Слоны исчезли. В лагере играл горн.

— Заспался, — сказал вожатый Юра, дергая за плечо Дэлихьяра. Он хотел сказать: «Заспался, Дэлик», но, видимо, запнулся, не зная, как теперь надо обращаться к питомцу своему, ставшему королем. — Вставай живенько, начальник тебя просил зайти.

Ночью электролинию починили, и, должно быть, все уже узнали по радио новость из Джунгахоры. Со всех дач ребята вылезли на крыльцо, изо всех палаток выглядывали любопытные, смотря вслед Дэлихьяру, шедшему рядом с вожатым. Юра молчал. Он решительно не знал, что нужно сказать сейчас маленькому королю.

Но возле дома начальника их уже поджидал Ростик... Он чуточку сошел с дорожки, пропуская идущих, а потом потопал за ними, нагнал короля и снизу из-под его локтя сказал ему загадочно:

— А когда Ленин был маленький, он тоже еще не мог посаживать царев в милицию.

После чего Ростик вприпрыжку убежал.

Начальник Михаил Борисович был взволнован. Он быстрыми шагами ходил по своему кабинету из угла в угол и с размаху ладонями обжимал, скрестив руки, широкие свои плечи. На столе у него лежало несколько телеграмм. На некоторых было сверху крупно обозначено: «Молния», «Правительственная», на других — «Международная».

Увидев короля и вожатого, Михаил Борисович круто обогнул стол, взял Дэлихьяра за плечи и усадил перед собой на кресло, сев в другое, напротив.

— Ну... Ты, говорят, уже все знаешь. Собирайся на престол, королек ты мой дорогой. Что же, мне тебя теперь твоим величеством называть полагается, что ли? Я уж не знаю. — Он встал, сокрушенно посмотрел на вожатого. Тот промолчал. — Ну, скажи, дорогой ты, родной мой, пригодится тебе хоть немножко, что прожил ты с нами, что подышал нашим воздухом, что ребята тебе наши нарасказали? Научился ли ты чему-нибудь хорошему?

— О! У-это, много научался, — затараторил король. — Мир и дружба научался. И, у-это, вечером — утром кровать сам все делаю научался. И еще все вместе быть научался. Один человек, другой человек, у-это, всем люди надо, чтобы хорошо... И еще научался, какой хороший человек, друга-друга товарищ, и какой плохой. Ему давай-давай, а сам он ничего не давай, не работай, тьфу, нехорошо! Я буду у нас Джунгахора все делать, как мы сегодня решили, все ребята у нас в палатке решили.

— Ох, боюсь, дружок, — вздохнул начальник, — что не очень у тебя это получится сейчас. Не даст тебе волю дядюшка твой.

Маленький король насторожился, с тревогой глядя на директора.

— Ты не обижайся, — сказал Михаил Борисович, — уже газета пришла. Я тебе прочту, что здесь написано.

Принц заглянул в газету и увидел на последней странице большой заголовок: «Государственный переворот в Джунгахоре». И Михаил Борисович, не спеша, отдельно выговаривая каждое слово, прочел Дэлихьяру о том, что правые круги, близкие к империалистам и захватчикам, совершили переворот в стране. Король Джунганг Сурамбияр должен был отречься от престола в пользу принца Дэлихьяра Сурамбука. Но ввиду несовершеннолетия нового короля, принцем-регентом и фактическим правителем Джунгахоры провозглашен генерал Дамбиал Сурахонг, брат покойного тирана Шардайяха и ставленник колониалистов.

У маленького короля задергалась пухлая губка, он вскочил с кресла и сжал кулаки:

— Я не хочу так!.. Я не хочу, у-это, чтобы дядька командовал... Он очень совсем нехороший, он за мерихьянго, он всех против нас. Я его буду скидать вон! — В смятении он схватил за рукав начальника. — А можно мне, у-это, не вставать, не заходить... у-это, как

сказать, не всходить на престол? Я лучше буду тут с ребятами, потом учиться, у-это, суворовское училище. Не надо! Не давать меня ему...

Начальник вздохнул огорченно, покачал головой, потом встал, подошел к столу, показал одну из телеграмм. В ней сообщалось, что сегодня днем в лагерь «Спартак» прибудет уже вылетевший ночью новый чрезвычайный полномочный посол Джунгахоры, только что назначенный по повелению регента Сурахонга.

— Я не хочу, если дядя! Я буду у вас. Вы меня спрятайте.

— Нельзя, дружок ты мой дорогой, это такой скандал международный будет, что и представить себе трудно. Ты ведь парень неглупый, сам все понимаешь.

— Что же мне, у-это, делать?.. Научайте!..

— Ну, уж это я тебе советовать не возьмусь, да и права не имею. Ты пойми. Почему тебе не всходить на престол? Взойди, царствуй, как срок придет, на здоровье, но только правь по справедливости, по чести. О людях думай. И действуй с умом. Сейчас-то тебе вольничать не дадут, а вырастешь — поступишь, как народ тебе скажет. Народ кое-чему за это время научится, да и тебе еще учиться и учиться.

А за домом уже послышалось хрумтение шин по песку, звук подъехавших и тормозящих машин. С первой в сопровождении товарища из областного центра сошел чрезвычайный и полномочный посол Джунгахоры. Начальник вывел короля на крыльцо и сам стал поодаль.

Посол приближался, низко кланяясь. Утренние тени были еще длинные. Тень короля пересекла дорожку, и посол старательно обходил эту тень, чтобы зайти к королю сбоку. У посла дергалось маленькое, бурое, сморщенное личико, похожее на сушеную дулю-грушу, и выражение лица было такое сладко-кислое, словно он сам себя раскусил и почувствовал, что трухляв. Глазки-щелочки терялись среди множества морщин. Лицо посла угодливо и суетливо корежилось, морщилось вдоль и поперек, сжималось, перекашивалось. Он умильно жмурился, и казалось, что глаза у посла открываются после этого каждый раз уже не в том месте, где он их сощурил, а совсем между другими морщинами. Он шел бочком, скрючившись пополам, прижимая скрещенные ладони к груди.

О чем говорил посол Джунгахоры с королем, никто не понял. Они говорили на своем языке. Потом оба скрылись в кабинете начальника. И вскоре в лагере стало известно, что королю Дэлихьяру предстоит сегодня же возвращаться на родину, где будет скоро его коронация.

Мрачный Юра-вожатый пришел за вещами короля в палатку номер четыре, когда обитатели ее были на пляже.

Самого Дэлихьяра уже не выпускали с дачи, куда его увел посол. В полдень все собрались послушать радио из Москвы. Теперь уже всем стало известно, что власть в Джунгахоре захватили снова сторонники мерихьянго, самые злостные вымогатели-захватчики, а королю, видно, придется быть лишь куклой на престоле.

Очень обидно было это слышать ребятам, которые прошлой ночью так хорошо обсудили государственные дела Джунгахоры и дали такие важные указы королю. Вот тебе и реформы!

Из аэропорта сообщили, что в Москве нелетная погода и придется задержать отлет короля до завтра. Но на дачу, где расположился посол и куда перевели короля, никого уже не пускали.

На рассвете король вместе с послом должен был вылететь в Москву, а потом в Хайраджамбу.

Дело принимало все более скверный оборот.

По радио в вечерних известиях сообщили, что в Джунгахоре проводятся аресты коммунистов и всех, кто выступал раньше против мерихьянго. Вездесущий Тараска вызнал, в какой комнате сидит под присмотром посла король, и нашел удобный момент, чтобы бросить ему в открытое окошко камешек с запиской. Пусть знает, что творится у него в стране.

Глава XV

Луна отвратила лик свой

Пришел к концу этот невеселый для маленького короля и его друзей-пионеров день. Все затихло в лагере «Спартак», но никто в тот вечер не мог сразу заснуть в палатке номер четыре.

Было уже очень поздно, когда снаружи у самой палатки послышались шаги по прибрежному песку и кто-то просунул голову в палатку.

— Кто это? Кто там? — зашумели мальчишки. Вот уж удивились они, когда услышали голос Гелика Пафнулина.

— Это я, ребята, только тихо. Я по первой даче дежурный.

— Гелька, ты? — изумился Несметнов.

— Поздравляю, — сказал Тараска, — в лагере «Спартак» завелись лунатики.

— Может быть, будем посерьезнее? — прошипел Гелик. — Я к вам не балаганить пришел. Имею серьезный разговор. Условия такие: если примете меня обратно на свободную койку — я с вожатым завтра договорюсь, — могу сообщить кое-что важное. Касается Дэльки вашего.

— Он тебе не Дэлька, а король. Это раз! — остановил его Славка Несметнов. — А во-вторых, если ты сюда торговаться пришел и условия ставить, поворачивай на сто восемьдесят градусов и можешь раствориться, как привидение, во мраке ночном. Не больно нужен. Воспринял?

Гелик молчал. Он, видно, раздумывал.

— Ну ладно, — наконец решил он. — Хоть вы от меня и отреклись, вместо того чтобы оказать воздействие, помочь коллективно человеку перевоспитаться... Ладно, можете меня считать кем хотите, а я не такой. Сейчас сами убедитесь. Только тихо. Можно, я войду?

Его впустили, и он сообщил шепотом, что король решил бежать от посла. Он просил Гелика подтащить к окну комнаты на втором этаже, где его запер посол, лестницу, которую оставили монтеры, чинившие электросеть после шторма. Гелик один не в силах подтащить к окну тяжелую лестницу. Надо помочь.

Все вскочили в палатке.

— Стоп! — скомандовал Несметнов. — Я с тобой пойду. Но только смотри у меня, если подведешь. — Он посветил фонариком на Гельку, прошелся по нему лучиком с ног до головы и убедился, что на рукаве Пафнулина краснеет повязка дежурного. — Пойдешь вперед. В случае чего, сообразишь что-нибудь, да? Если кто встретится, понял? А я сзади буду следовать.

— А в палатку вы меня обратно примете?

— И не стыдно тебе в такую минуту выторговывать условия! Привык всегда ловчить, как тебе не совестно!

— Я же не виноват, что меня так воспитали, — залопотал Гелик.

— Ты, пожалуйста, брось ссылаться на это. Дэльку вон тоже воспитывали во дворце, а он настоящий парень, А ты... От самого тоже кое-что зависит, не финти!

— Торгуется еще, нашел время.

— Ребята, я же не торгуюсь, я просто прошу... Я обещаю. Я и так пойду, все сделаю, но только вы меня примите обратно.

— Мы-то тебя примем, — смилостивился Несметнов. — Только ты сам помни: будешь такой, никогда тебя в жизни люди в хорошее дело не примут. Пошли! Остальным всем сидеть на месте.

Прошло, должно быть, не больше пятнадцати минут, хотя ребятам казалось, будто уже целый час не было Славы Несметнова. Но вот послышались торопливые шаги у берега, и скоро в палатке появились Несметнов, король и Гелик.

— Я не хочу ехать, — шептал Дэлихьяр ребятам. — Я из окна, у-это, выскочнул, они

лестницу поставили. Я не хочу ехать, я к вам опять хочу.

Все молчали. Никто не знал, как надо поступать. Все слышали страшное сообщение радио об арестах и казнях в Джунгахоре. Сотни людей были брошены там в зловонные ямы, огороженные колючим частоколом и кишевшие желтыми муравьями. Все сочувствовали королю.

— А может быть, ребята, — сказал Тараска, — пусть он телеграмму даст в Москву, попросит этого, как его, бомбоубежища...

— Чего? — переспросил Несметнов.

— Ну вот я читал, что так просят... Про кого-то было сказано, что искал пристанища... нет!.. просил убежища... Вот! Убежища просил! — радостно заключил Тараска.

— Да нет, это дело не выйдет. Это если взрослый, — охладил его Ярослав.

И тут в голову мудрого Ярослава Несметнова пришла мысль: надо прежде всего посоветоваться обо всем с Тонгаором. Уж он-то в данном случае знает, как быть. А до санатория, где он лечится, не так уж далеко, к утру можно пешком добраться. Но кто поведет туда короля? Выбраться из лагеря можно было незаметно. Ребята знали одну тайную лазейку в отдаленном уголке лагерного парка, да и Гелик с повязкой дежурного мог тут пригодиться. Но разве можно было отпустить короля одного?

— Пускай Туосья скажет, как надо, — потребовал вдруг король. — Я хочу, у-это, говорить все Туосье...

Сначала все удивились. Но долго думать было некогда. Да и голос у короля стал вдруг очень уж твердым. Решили выполнить просьбу короля.

Вместе с дежурным Геликом отправили к даче, где жили девочки, пронырливого Тараску — он все знал и всюду мог пролезть. И действительно, не прошло и четверти часа, как у палатки появилась Тоня, которую привели Тараска и Пафнулин. Она уже по пути от дачи до палатки все вызнала от мальчиков. Едва в палатке послышался ее тихий окающий голос, ребята почувствовали, что Тоня уже все решила для себя. Недаром, видно, девчонки считали ее атаманшей и Боеголовкой. Спорить было не время. И все беспрекословно подчинились ей, когда она сказала:

— Послушайте, мальчишки, совершенно ясно: одному Дэлику идти нельзя. Дорогу не знает, выговор не как у нас... Его мигом словят. Значит, вопрос ясен — пойду с ним я. Да. Тихо! Кажется, ясно сказано. Я пойду. Тем более, что из детдома меня за это никуда не выгонят. Волноваться тоже особенно не станут спервоначала. А вам может попасть от своих, как телеграмму домой дадут, перебулгачат... Давайте уж я.

Так и решили: пусть Тоня доведет короля до санатория, где живет Тонгаор, а там мудрый поэт-коммунист рассудит, как быть королю.

Но король был бос. Посол на всякий случай оставил его сандалины у себя в кабинете. Мальчики стали предлагать ему один за другим свою обувь, однако у короля была слишком маленькая нога, все сандалины оказались ему велики. Тогда Тоня сняла свои босоножки. И все с удивлением заметили впервые, что хоть и казалась Тонида рослой, нога-то у нее была совсем маленькая, тонкая и легкая в ступне. И вот Золушка отдала свои туфельки принцу, то бишь королю, а сама взяла сандалетки Тараски. Даже и они ей были немножко велики, но туда, в носок, заложили мятую газету.

Тихо простились мальчики с королем и Тоней, пожелали им счастливого пути. Ночь была теплая, но всех пробирал озноб. Дело ведь задумано было рискованное, поступали не по закону, против всех лагерных правил. Однако лучше была в такие дела взрослых не путать. Тонгаор тут был не в счет, к нему-то ведь и отправлялся король. На прощание Тоня остановилась перед Тараской:

— Слушай, Тарантас... Ну, на этот раз ты можешь не тарыхтеть?

— Лучше бы взяли меня с собой... — взмолился Тараска. — Ну, будьте людьми! И мне было бы покойнее. А то начнут завтра все приставать с утра, что да куда.

— Один раз в жизни не можешь? — напустились на него ребята.

— Нет, на этот раз уж смогу, — твердо обещал Тараска, — уж в этот раз стерплю. А в

самом крайнем случае, если станут допытываться, натру градусник, пойду к врачу, скажу — голова болит, и пусть меня в изолятор кладут. Туда никого не пускают. А доктору разве я стану говорить!

— Хочешь, и я в изолятор попрошусь? — свеликодушничал Гелик, теперь уже на все готовый. — И тебе не так скучно будет, да и доктор больше поверит: он знает, что у меня слабое здоровье.

Дэлихьяр и Тоня выбрались через известную мальчишкам лазейку за ограду лагеря и поставили штaketину в заборе на место. Ночь была светлая. Луна стояла высоко в небе, огромная, перламутровая. И король счел это за доброе предзнаменование — так утверждало джунгахорское поверье.

Было очень тихо, даже море молчало.

Вдруг на шоссе, куда вышли король и Тоня, что-то переливчато блеснуло вдаль, послышались негромкие переговаривающиеся голоса. Оба шарахнулись в заросли. Голоса стремительно приближались и вот уже оказались совсем рядом, их как бы наносило прямо на беглецов. Замерцали на мгновение совсем рядом спицы, промчалась бесшумно мимо парочка на двух велосипедах, и уже в другой стороне замолк, истаял в ночи летучий говорок. Но ребята узнали эти голоса. То был вожатый Юра и физкультурница Катя. Они, должно быть, возвращались из кино в соседнем доме отдыха. Пронеслись, как призраки, и король с Тоней почему-то позавидовали им. Что-то у них, промчавшихся вместе, подумалось ребятам, было важное, крепкое — оно давало им возможность мчаться рядом друг с другом, как под одним крылом, по лунному шоссе.

Беглецы вышли к морю. Спать уже не хотелось. Внезапно король остановился и схватил Тоню за руку.

— Смотри, у-это! — прошептал он, показывая в небо. — Смотри!.. Почему она так?

Тоня вскинула вверх голову, сперва ничего не понимая. Но король начинал дрожать, в широко раскрытых глазах его заметался страх. Теперь уже и Тоня заметила, что недавно еще бывшая такой круглой и налитой луна вдруг стала ущербной, как бы срезанной с одной стороны.

До них донесся говор людей. Вдали они разглядели небольшую группу, по-видимому курортников. Некоторые были даже в казенных пижамах. Люди стояли на высоком морском берегу вокруг какого-то сверкавшего предмета, похожего, как сперва показалось ребятам, на маленькую пушку-зенитку. Когда они подошли поближе, стало понятно, что это небольшой переносный телескоп. Им распоряжался пожилой курортник. Полотняный пиджак его как бы светился в свете луны, становившейся между тем все более узкой.

— Ты помолчи, — предупредила Тоня, — а я сейчас все выпрошу.

Она незаметно втиснулась в кружок людей, обступивших телескоп. Все по очереди подходили к трубе и заглядывали в нее снизу. Пожилой курортник что-то негромко пояснял.

Через минуту Тоня вернулась к стоявшему в сторонке королю.

— Ну, с чего ты всполошился? Глупый ты все-таки, Дэлька, хотя и королем стал. Обыкновенное лунное затмение. Запомню я, во всех календарях обозначено. Пойдем заглянем в телескоп.

Король замотал было головой, заупрямился, но решительная Тоня схватила его за руку и потащила к телескопу.

— Пожалуйста, можно нам поглядеть? — со старательной вежливостью попросила Тоня у пожилого курортника.

Тот, конечно, сейчас же согласился, показал, как надо смотреть через телескоп, помог ребятам наладить его по глазам.

После Тони заглянул в маленькое стеклышко и король. Луна, огромная, бугристая, шершавая, вся словно обгрызенная с одного боку, почти заполнила черную пустоту, в которую был нацелен телескоп. Это было дурное предзнаменование. Страх охватил короля.

Видно, не в добрый час покинул он лагерь, не в добрый час начинает он срок своего правления...

Между тем пожилой курортник давал пояснения окружающим:

— Сейчас уже, как вы видите, почти половина лунного диска закрыта тенью Земли. Это явление не частое — полное затмение, какое мы сегодня можем с вами наблюдать... Не сомневаюсь, что наши ученые используют это чрезвычайно выгодное для всевозможных космических исследований положение.

— А говорят, американцы миллионы иголок стальных выпустили со своего спутника, — произнес кто-то в сгущавшейся темноте, — и они теперь окружают нашу Землю. Это не отражается?

Король с ужасом отпрянул от окуляра телескопа. Тьма вокруг заметно сгущалась. Тень жадно надвигалась на лунный диск. Огромная чернота выгрызала светлое тело луны все глубже.

Ночь вокруг становилась зловещей.

— Да, — сказал пожилой курортник, — конечно, отражается, если вы имеете в виду возможности исследования. Особенно это вредит прохождению радиоволн. Вот недавно известный английский астроном Лоуэлл прямо писал с возмущением, что этот пояс игл чрезвычайно затрудняет радиоисследования Луны.

Король украдкой заглянул одним глазком еще раз в телескоп, надеясь увидеть эти злые иглы, окружающие теперь землю по недоброй воле мерихьянго. Но игл он не увидел. Лишь утесненный диск луны, теперь уже похожий на осколок блюда, светился в черном круге телескопа...

Услышанное потрясло короля. Вот куда, даже в небо, к луне пробрались мерихьянго. Куда же от них деться?! Надо было как можно скорее посоветоваться с Тонгаором.

Глава XVI

Лекция о международном положении

И шли по шоссе наши беглецы, и уже заметно притомились они. А затмение все еще продолжалось. Но скоро должно было выйти из-за гор солнце и покончить с ночными страхами.

Рано утром, усталые, осунувшиеся от бессонницы, они постучались у входной будки в ограде санатория «Стрела». Но тут их ждало тяжелое разочарование.

— Кого это вам в такую рань? Товарища Тонгаора? — спросил их дежурный. — Так ведь выбыл он. Вот уже третий день, как выбыл. Получил, говорят, телеграмму какую-то с родины, собрался в один момент — и будь здоров. Радио разве не слышали? У них ведь там дела теперь какие! Вот он и решил подоспеть. Книжку мне на добрую память оставил, на прощание... Сам роспись сделал, что с уважением, и за заботу спасибо мне выразил... А вы что, небось куда-нибудь в лагерь выступить его хотели потащить? Тут много вашего брата пионера ходит... И с ихнего парохода из порта наведывались... Нет, юные пионеры, опоздали вы с этим.

Долго стояли на шоссе у санатория «Стрела» король и Тоня. Что же было делать дальше? Как быть? С кем посоветоваться? Тоня предложила вернуться в лагерь.

Они оба очень устали, да и есть хотелось уже мучительно, даже больше, чем спать.

Внезапно король радостно подпрыгнул на месте и захлопал в ладоши:

— Гуосья, у-это, стой! Мы же тут не так совсем далеко, где порт. Да? Помнишь, Тонгаор сказал, скоро тут будет мой корабль «Принц Дэлихьяр», и старик этот сказал, что, у-это, с парохода были... Там капитан друг Тонгаора. Он тоже против мерихьянго. Пойдем туда. Тонгаор сказал — как раз сегодня. Помнишь, он говорил?

— Ну и что? — задумалась Тоня. — Что с того, что ты на корабль явишься? Одно и то же, что самолетом лететь, только подольше.

— Нет! — закричал король. — Ты, у-это, не понимаешь! Мне Тонгаор тогда говорил:

«Придет корабль, помни, там хорошие люди... Они из Рамбая. Они против мерихьянго». Я к ним приду и скажу: «Я тоже против мерихьянго»... Помнишь, как «Санта-Мария» не хотела быть за войну... Она подняла флаг, свой флаг, и пошла в Бразилию. Помнишь, вы мне рассказывали? Я слышал, у-это, тоже, как радио рассказывало. Мы будем как «Санта-Мария», мы не будем за мерихьянго, мы уйдем в море... Я, у-это, дам радио дядьке... И пусть он сделает как надо, а то, я скажу, корабль не пойдет в Хайраджамбу. Он в Рамбай пойдет... Это мой корабль...

Но до большого порта надо было ехать полдня автобусом, это было далеко. Решили сперва подкрепиться. Хорошо, что расчетливый и дальновидный Ярослав Несметнов тихонько от короля уговорил Тониду взять от ребят деньги на дорогу. Вот они теперь и пригодились. Ребята дошли до автобусной станции, которая располагалась неподалеку от парка в одном из прибрежных курортных поселков. Тоня отсчитала и отложила в сторону деньги на автобусные билеты, посмотрев сперва у кассы, сколько они стоят. А потом пошли в буфет, съели по плюшке, выпили по стакану какао. На душе стало веселее.

А день был воскресный, и в парке собралось много народу. На открытой эстраде приезжий лектор читал доклад о международном положении. Об этом гласила большая афиша у входа в парк.

— Пойдем послушаем, — предложила Тоня. — Может быть, сгодится. Тем более, до автобуса еще часа четыре битых...

Ребята сели на одну из крайних скамеек, полукольцом окружавших эстраду. День был жаркий, и лектор, шагая по скрипевшей под его ногами эстраде, над которой выгнулся легкий свод раковины, все время обмахивался бумажкой, куда он то и дело заглядывал. Лектор обрисовал международное положение. Он со своих подмостков словно бы обзревал весь мир, он все знал, где и что...

А потом попросил задавать вопросы.

— Ох, я что надумала, Дэлька! — сказала Тоня. — Давай пошлем записку ему, пусть прояснит насчет твоей Джунгахоры.

Тоня попросила у кого-то из соседей бумажку. Сидевший рядом пожилой гражданин вырвал листок из своего блокнота, даже не глядя на Тоню. Карандаш у нее нашелся свой. Она глубокомысленно обсосала его, что-то нацарапала на бумажке, легонько постучала по плечу одного из сидевших впереди слушателей, протянув записку. И пошла по рядам, как щепочка по волнам, записка, пока не доплыла до эстрады.

— Меня вот тут просят рассказать подробней о положении в Джунгахоре, — сказал лектор, прочтя Тонину записку. — Что можно сказать? Положение там сложилось крайне напряженное. Из различных международных источников сообщают о жесточайших репрессиях. Как вам известно из газет, власть в Джунгахоре захватили снова сторонники империалистов, ставленники международного капитала, которые решили восстановить в стране ненавистный народу грабительский режим, бывший при недоброй памяти тиране Шардайхе. Правда, народ оказывает сопротивление, особая активность наблюдается в южном городе Рамбай. — Король толкнул локтем Тоню. — Порт Рамбай, — продолжал лектор, — в руках повстанцев, партизан. Для отвода глаз и обмана населения королем провозглашен малолетний несмышлениш, принц Дэлихьяр, естественно, совершенно беспомощный и, надо полагать, идущий на поводу у генерала Дамбиала Сурахонга, каковой назначен регентом, то есть фактическим правителем страны. Прежний король Джутанг, симпатизировавший прогрессивным силам, не способен был удержать власть и вот теперь вынужден был уступить ее реакции. Ну, а малолетний король — это, разумеется, марионетка, не способная что-либо изменить, Дэлихьяр так и взвился, когда его назвали марионеткой да еще несмышленишем, действующим к тому же на руку мерихьянго.

— Это он меня как, у-это, прозвал? — допытывался он у Тонн.

Та еле удерживала его на месте.

— Ну зачем он так? — кипятился Дэлихьяр. — Не смей так, у-это, сам дурак! Шарохунга!

На них уже оборачивались и шикали, а шум поднимать было, конечно, нельзя. Ведь несомненно в лагере «Спартак» с утра началась тревога по поводу исчезновения короля. И можно было себе представить, в какую ярость пришел посол, из-под носа которого король дал лататы! Вероятно, по всему берегу шли поиски.

Однако, чтобы хоть как-нибудь успокоить Дэлихьяра, Тоня послала лектору новую записку, прежде чем уйти из парка. Король упрямо настоял на этом.

«Вы так не можете говорить, раз не в курсе, — написала на этот раз Тоня. — Король Джунгахоры Дэлихьяр за мир и дружбу. Он против империалистов. Он за нас».

Ребята были уже за воротами парка, когда до них донесся усиленный через микрофон голос лектора, который, прочтя записку, иронически говорил:

— Уж я не знаю, почему данный товарищ, автор записки, полагает, что теперешний малолетний король Джунгахоры настроен столь прогрессивно... Видимо, автор записки полагает...

Тоня с гордостью услышала, как ее назвали автором — так ее еще никто никогда не называл, — но решила не задерживаться у парка, а возвращаться на автобусную станцию.

Между тем возле эстрады, где стоял лектор по международным вопросам, раздался звонкий шлепок, будто кто-то прихлопнул у себя на лбу комара. Это вдруг хлопнул себя по темени сидевший близ эстрады с края, у прохода, человек, который незадолго до того пристально вглядывался в ребят. То был ревизор, который когда-то анкетировал и расспрашивал Дэлихьяра в лагере «Спартак».

— Граждане! — запричитал он, приподнимаясь на месте. — Внимания прошу... Как я понимаю, ту записку прислал сам бывший принц, в прошлом принц, то есть король в настоящее время. Он вот тут сидел, честное даю вам слово, граждане! Где же он?..

Он вертелся, озираясь во все стороны, всматриваясь в ряды сидевших. И тут стали тихонечко украдкой постукивать себя по лбу уже кое-кто из сидевших неподалеку, показывая при этом осторожно глазами на обескураженного и смешно суетившегося человека. Дескать, не в себе товарищ...

А короля и Тони уже и след простыл.

Глава XVII

Флаг на горизонте

Ехали что-то очень долго — так, по крайней мере, казалось ребятам. Подолгу стояли в каких-то курортных поселках. Автобус заправлялся бензином. Водитель куда-то отлучался. А Тоня и король бродили вокруг опустевшего автобуса, мучаясь ожиданием. Король шептал:

— Я им, у-это, знаешь как буду говорить?! Вы, я это им так говорю, вы моряки Рамбая. Тонгаор говорит, в Рамбай хороший моряк, храбрый очень и «мерихьянго табатанг!». Я тоже так! Тонгаор мне друг-друг. Я вам король — тоже друг-друг. Мы будем идти в Рамбай. Мы будем делать все совсем хорошо. Мерихьянго — вон!

Потом снова садились в автобус, заполняемый пассажирами. И ехали, ехали, ехали, а король уже молчал.

Когда прибыли в большой портовый город, слегка смеркалось. От автобусной станции до самого порта было довольно далеко. Но денег у Тони не осталось, пришлось шагать пешком. А король чувствовал себя уже совсем плохо. Он устал с непривычки. На каждый шаг что-то отзывалось в голове и больно било в темя, да и ноги стали ныть. Тоня, как могла, подбадривала его.

— Ну потерпи еще чуток, — ласково окала она. — Осталось-то всего ничего — раз, два, и готово. Уж сколько с тобой помыкались. Подбодрись. Сейчас на место прибудем, я тебя на пароход посажу, а уж там прощай и действуй по-умному.

— Туосья... А ты, у-это, так и не хочешь со мной?.. — начал было король.

Но она строго оборвала его:

— Я свое слово сказала, и точка. Ты не обижайся, Дэлик, ты пойми. Никак это

невозможно. После поглядим, а пока и разговора быть не может.

— Мне одному страшно... Мне, у-это, одному совсем трудно.

— А мне, ты думаешь, легко? — И Тоня быстро отвернулась от короля.

Солнце уже село, когда они вышли к берегу. В стороне, чуть поодаль, виднелись мачты, трубы, портовые краны. Накатывал железный грохот. Перекликались пискливо паровозы. До порта было уже рукой подать. А синева над морем сгущалась. Послушно темнело и спокойное море. У конца волнореза, ограждавшего порт со стороны моря, зажегся красный огонь на маяке. И оттуда вдруг донесся до беглецов густой, протяжный звук корабельного тифона. Большой корабль выходил из гавани, огибая маяк.

Король и Тоня застыли неподвижно.

Над кормой парохода развевался трехпольный флаг. Корабль разворачивался, у носа его в свете маячка блеснули золотые буквы, но надпись с берега было не прочесть. И все же это был несомненно тот самый корабль, «Принц Дэлихьяр», о котором рассказывал Тонгаор. И флаг над кормой — в этом нельзя уже было ошибиться — был несомненно джунгахорский: большой, с алой полосой, посередине которой сияла лучистая зубчатка солнца, и с синими полями сверху и снизу... И он уходил, этот корабль, уходил в Джунгахору. Он дымил, гудел, давая прощальные сигналы. До него было не больше пятисот метров.

Но вот эти полкилометра и легли неодолимой пропастью между маленьким королем и его отчаянной мечтой.

Обогнув волнорез с маячком, корабль повернул к выходу из бухты. Это было видно по изогнувшейся полосе дыма над ним. Берег и эта дымная кривая показывали направление на мысок, где оканчивалась излучина бухты. Как раз возле этого мыска и вышли на берег наши беглецы. Теперь стало ясно, что пароход с флагом Джунгахоры держит курс к этому мыску, за которым уже начиналось открытое море. Вот если бы...

— Лодка! — прокричала Тоня. — Лодка! Давай скорей! — донесся ее голос уже снизу, от самой кромки воды, куда она соскочила с небольшого берегового обрыва.

Да, там у самой полосы прибоя, вытщенная на берег, обсыхала небольшая шлюпка. Весла у нее оставались в уключинах. Видно, приплывший на лодке отлучился куда-то лишь на минуту.

Еще плохо соображая, что решила делать Тоня, король тоже спрыгнул на прибрежную гальку.

— Подсобляй, подсобляй! — кричала Тоня, упираясь плечом, боком, руками в борт лодки и подталкивая ее к волнам.

И король послушно пихал лодку, как ему приказывала Тоня. А девочка бесстрашно ступила в воду по колено, толкала лодку и тащила ее в море.

— Залазь! — приказала Тоня.

Король, перегнувшись через борт, свалился на дно лодки.

А Тоня уже сидела на передней банке и круто, двумя движениями весел в противоположные стороны, табаня одним и громадя другим, развернув лодку носом в море, упруго привстала и, откидываясь, гребла. Крылатый взмах, еще раз, еще! — и лодка пружинисто, в такт движению тяжелых весел, прыдала, легонько подаваясь вперед.

Пространство между бортом ее и берегом росло легкими рывками, как бы вздуваясь, отодвигая берег и словно выпрямляя его постепенно. Казалось, что каждый гребок накачивал туго и постепенно распирал пространство между лодкой и берегом. А если оглянуться назад, то там, за носом, горизонт оставался таким же недостижимым и бесконечным.

Тогда тщетными выглядели в сравнении с этой неодолимой далью копошения весел. И туда, к горизонту, уходил корабль.

— Садись рядом, подсобляй, громадь! — скомандовала Тоня, слегка отодвигаясь в сторону. — Громадь! Вот так, подавайся назад больше... Ох ты, горе мое... Что же ты весло-то выворачиваешь? Ну громадь, громадь, прошу тебя...

Но куда было ему угнаться за широким и стремительным махом волжанки, легко

отводившей назад весло и сновисто, полуопрокидываясь, посылавшей длинный гребок...

А волна колыхалась, медленная и серая, как спина огромного слона. И лодку мерно покачивало. Вот и сбился сон. Только не играла музыка, не слышно было праздничных кликов народа. И нестерпимо ломило все тело, зудели руки, вспухли, налились снова болезненные мозоли на нежных ладонях короля.

Однако корабль, державший курс на мысок, как будто бы шел теперь на сближение. Он был уже хорошо виден, хотя сумерки все плотнее ложились на морскую гладь. Еще, еще немного, и лодка должна была встретиться с кораблем, оказаться на его пути.

Тоня гребла что есть сил. Она уже задыхалась от усилий, гоня тяжелую лодку.

— Помаша им... покричи, — сказала она.

— Фари йор!.. — Король вскочил и, сложив ладони рупором, стал кричать что-то по-джунгахорски.

Лодку качало, и он еле держался на ногах, махал и кричал.

И там, на корабле, наконец, должно быть, заметили их.

У трубы корабля забилося белое облачко пара, а потом донесся короткий приветливый гудок.

В ту же минуту корабль, круто повернув, взял курс прямо к горизонту, в открытое море. Верно, там решили, что просто кто-то на лодке вышел проводить джунгахорцев, отплывающих на свою родину.

И Тоня бросила грести.

Оба долго и безнадежно смотрели на уходящий в море корабль. Ветер уже развеял дым, крутой дугой плывший в небе, а может быть, тьма, напиравшая на море с гор, стерла эти дымные следы.

Все дальше и дальше уходили огни корабля.

И скоро уже только мерцало и чуть-чуть искрилось там, на горизонте, а потом и вовсе стало темно и пусто.

Глава XVIII В зоне игл

Только тут заметили ребята, что они отплыли очень далеко от берега. Жуть безбрежного одиночества прокралась к ним в души. Огни порта и города были, казалось, уже не многим ближе, чем горизонт, за которым скрылся корабль. Громады гор вставали там, на оставленном берегу, да и они выглядели теперь уже далекими и не столь огромными, как прежде. И оттуда, с гор, вдруг порывами задуло, понесло сыростью, мраком и холодом. Ветер был резкий и сильный, и с каждым мгновением все чернее становилось небо, все выше, тяжелее гряды зыби.

Когда Тоня разворачивала лодку носом к берегу, их чуть не положило совсем на борт. Волна захлестнула шлюпку, и ребята разом промокли. На дне шлюпки заплескало.

— Вот попали мы с тобой, Дэлька, — сказала Тоня. — Давай обратно, громадь, подсобляй. Ох, втянула я тебя в дело гиблое... Нет, брось громадить, лучше я одна. Давай руками, ладонями черпай воду, а то затопит нас.

И король обеими руками принялся выплескивать, загребая ладонями со дна лодки, воду. Но ее набиралось все больше и больше. И волны теперь уже не колыхались по-слоновьи, а, как огромные злые псы, мурзились, рычали, выгибали хребет, припадали на передние лапы, отползая немного, чтобы снова кинуться, захлебываясь в ярости и пене, клыкастые, лютые в своем зияющем оскале. Волны катили навстречу от берега и отгоняли маленькую шлюпку с ребятами все дальше и дальше в море. Неслись над головой сползшие с гор стремительные тучи и наваливались всей своей тяжестью на луну, которая пыталась подняться над горизонтом и выбраться из всей этой страшной катавасии. Ветер ломил черной стеной, слепил, законопачивал тьмой все окрест, всвистываясь в ноздри и уши, туго забиваясь в рот... Приходилось каждый раз отворачиваться, чтобы хоть немножко перевести

дыхание.

Потом от берега, заслонив его собой, понеслась стена ливня. Молниеподобные колючки струй, засверкавшие в отблесках выглянувшей луны, прорезали темень.

— У-это, иголыки!.. Иголыки мерихьянго! — закричал в ужасе король.

Ему показалось, что это те самые иголки, которые запущены в космос и хищно опоясали землю, теперь низвергаются прямо на их лодку. От их укулов все тело начинало жгуче зудеть.

— А солнца уже не будет никогда! — проговорил он тоскливо.

— Чего?! — прокричала сквозь ветер и темноту Тоня.

— Я говорю, — что есть силы крикнул король, — солнца, у-это, не будет! Утро не будет. Темно всегда будет.

— Помолчи ты, Дэлька... В самом деле, городишь... Перестань. Черпай, черпай воду лучше.

Но у короля уже не было сил выплескивать коченевшими руками воду. Еще когда-то на побережье Джунгахоры он схватил желтую тропическую малярию, она чуть не убила его в раннем детстве и нет-нет да и напоминала о себе. И вот сейчас, видно, у него начинался приступ. Ему казалось, что тысячи иголок впиваются в его тело. Это кололи его иглы мерихьянго, злые иглы, опоясавшие мир и отгородившие от него луну, солнце, людей...

А Тоня, выбиваясь уже из сил, кашляя, сдувая залепляющую лицо воду, продолжала грести, изредка поглядывая через плечо, не стал ли хоть немножко ближе берег. Но он оставался таким же далеким.

И когда казалось, что уже нет больше сил двинуть веслом, оттуда, со стороны берега, вдруг ударил в морскую мутную темень длинный и упругий луч. Он качнулся в одну сторону, махнул в другую, пошарил вдали между гребнями высвеченных им волн, метнулся рывком в полнеба обратно, пал на море совсем рядом с лодкой. Еще мгновение — все на шлюпке вспыхнуло нестерпимым голубым, льдистым сиянием. Засверкавшие иглы ливня стали, казалось, хрустальными и, раскалываясь, посыпались в разные стороны, словно отгоняемые потоками тугого света. А вскоре затарахтел все ближе и ближе мотор. И катер моряков-пограничников, подлетев к лодке, круто обогнув ее и как бы отрезав разом от всех бед, которыми кишело черное пространство до самого горизонта, резко застопорил. Крючья багров вцепились в борт шлюпки. Лодка и катер поочередно взлетали и опускались резко вниз, как взлетали, качались брови у Дэлихьяра, когда он показывал ребятам свой фокус... Но сейчас он сам уже и бровью двинуть не мог.

Какие-то фигуры соскочили с борта катера на лодку, крепкие руки подхватили ребят и вознесли их куда-то вверх, снова качнули вниз, подбросили мягко опять в вышину, где было много огней, где раздавались желанные человеческие голоса и двигались сильные люди. Из темноты донеслась команда:

— Смирно! Ваше королевское величество, катер «М—18», высланный за вами, прибыл по назначению. Командир катера капитан-лейтенант Моргунов.

Но король уже не мог ни принять рапорта, ни сам устоять на взлетевшем борту катера.

В маленькой каютке командира человек в белом халате склонился над королем, уложенным на койку. И король, приоткрыв глаза, увидел близко, прямо над собой, сверкнувшую иглу.

— Иголыки!.. Не хочу!.. Не дам иголыки!.. — Он забился, отодвигаясь к стене, отталкивая ладонями руку человека в белом халате.

Но тот плотно прижал руки короля к койке.

Это была совсем не злая игла. Она укулола лишь на какой-то миг. А потом стало очень хорошо. Это была последняя игла, которую видел бедный король, впадая в забытье.

Глава XIX

В этом король не властен

Утром в отдельной палате берегового госпиталя, где теперь лежал король, появились приехавшие ночью начальник лагеря «Спартак» Михаил Борисович Кравчуков и чрезвычайный посол Джунгахоры.

Пыталась пробраться в палату к королю и Тоня, которую приютила у себя на время Майя Лазаревна Белецкая — главный врач госпиталя, румяная, полнощекая и очень подвижная толстуха. Но Тоню попросили обождать в коридоре. А ей надо было тотчас же непременно свидеться с королем и сообщить ему все, что она узнала ночью в кубрике пограничного катера, спасшего вчера их обоих. А Тоня слышала, засыпая на рундуке, как моряки говорили друг другу о том, что новые власти Джунгахоры схватили вернувшегося в трудный для народа час на родину Тонгаора и он приговорен к смерти.

Казнь могла состояться каждый час, надо было спешить.

Увидев входившего в палату посла, на котором болтался чересчур большой для него белый халат, король рывком повернулся к стене и натянул одеяло на голову. Всем видом своим он показывал, что не желает иметь дело с послом Дамбиала, этого противного родственника, который вечно допекал его еще дома в Джунгахоре всякими замечаниями насчет хороших манер и ни за что не хотел, чтобы Дэлихьяр поехал в советский пионерский лагерь.

— Ваше королевское величество... — начал было посол, но король задергал лопатками, задрыгал ногами, взбивая ими одеяло, и вжался еще глубже лбом в подушку, не желая ничего слушать.

— Позвольте, господин посол, мне... — вмешался тут Михаил Борисович Кравчуков.

Услышав голос начальника «Спартака», король приподнял голову над подушкой и недоверчиво поглядел себе за спину.

У начальника невольно сжалось сердце, когда он увидел эти запухшие, нареванные глаза под гибкими, сейчас как бы жалко обвисшими бровями.

— Не хочу, у-это, к нему! Я хочу к вам! — Король заплакал и, не оборачиваясь, пряча лицо в подушку, стал вслепую хватать рукой за полу халата, который был наброшен на плечи Кравчукова.

— Михаил Борисович! Вы ему скажите про Тонгаора, — раздался громкий шепот от дверей палаты.

— Цыц! — прикрикнул Кравчуков. — Марш отсюда вон! С тобой, дева прекрасная, еще разговор у нас будет.

Майя Лазаревна кинулась к дверям, молча выталкивая просунувшуюся в них Тоню.

Но та успела крикнуть:

— Дэлик! Они Тонгаора приговорили... Они его схватили... Казнить хотят!..

Король вскочил на постели. Напрасно Майя Лазаревна и Кравчуков пытались удержать его. Он спустил босые ноги на пол, затопал ими, залился громким плачем, стал раздирать на себе больничную пижаму. Он сбросил все лекарства с тумбочки, крича по-джунгахорски послу, что требует освобождения Тонгаора и ни за что не поедет домой, если того казнят.

Он бушевал, плакал, требовал, просил, кидался головой в подушку, кричал, что не будет принимать лекарства. Тоня, пользуясь общей сумятицей, проникла в палату и стала поодаль от кровати, кусая губы, сердито и сочувственно сдвинув и без того тесно сросшиеся брови.

Чем бы все это кончилось, неизвестно, но в госпиталь прибыл Павел Андреевич Щедринцев, тот самый советский посол в Джунгахоре, который месяц назад встретил принца в лагере «Спартак».

Мягкий, спокойный голос негромко, но чрезвычайно внятно говорившего Щедринцева заставил всех притихнуть.

— Простите меня, господин посол, и не считите это за вмешательство в ваши дела, но если вы хотите внять доброму, дружескому совету, то я позволил бы себе рекомендовать вам передать пожелания Его величества немедленно Его высочеству принцу-регенту Дамбиалу Сурахонгу... Все газеты мира полны сообщений из Джунгахоры, которые подтверждают, что

народ глубоко возмущен репрессиями и, в частности, арестом Тонгаора. Я не берусь подсказывать, но мне казалось бы, что лучший способ уладить дело — это сослаться на требования нового короля, который, как я понимаю, предложил амнистировать подвергшихся репрессиям.

Джунгахорский посол попробовал было что-то возразить сперва по-джунгахорски, а потом по-русски, но король, колотя кулаками по подушке и с размаху бодая ее головой, закричал:

— Не надо совсем слушать его!.. Я его уже отменил... Я его, у-это, отозвал... Он уже, у-это, не посол совсем, а просто тьфу! — И король плюнул на пол перед койкой.

— Прошу меня извинить, — вкрадчиво обратился тогда наш посол к джунгахорскому. — Но я не думаю, господин посол, что следует обострять этот конфликт... Тем более, что Его величество отказывается уже признавать вас в данной ситуации персоной грата.

— Не признаю, — запротестовал тот. — Он еще не вступил на престол. Это незаконно.

— Да-а, вы правы, возражения ваши совершенно законны. Но ведь приходится считаться и с общественным мнением. Не так ли, господин посол? Вы, разумеется, вольны поступать по своему усмотрению, однако...

Тут улегшийся было король приподнял одеяло, отгородился им сбоку от нашего посла и из-под прикрытия показал снятому с высокого поста послу Джунгахоры язык, а потом и нос. Но это ему показалось недостаточно. Он приставил ладонь ребром к уху и потом, сгибая и разгибая пальцы, несколько раз помахал ими разжалованному послу.

— Лопух, — сказал король, — качай отсюда.

— Я вижу, что пребывание Его величества в Советском Союзе не прошло для него бесследно, — ядовито заметил бывший посол. — Хорошеньким манерам вы его тут обучили.

— И совсем не они! — закричал король, сбрасывая одеяло. — И совсем не они! Это я раньше совсем научился. Это меня мисс Лора Харт, у-это, которая из Голливуда... люкс-бомба. Она танцевала в Джайгаданг, когда брат мой, у-это, король был. Она хотела жениться на него. А потом, когда ее пошли вон, она у дверей обратно смотрела и вот так язык, а потом так нос сделала и вот так вот рукой с ухом. Честное пионерское!.. У-это, честное королевское.

У дверей берегового госпиталя уже толпились тем временем журналисты, проведавшие о местонахождении короля Джунгахоры и прилетевшие из нескольких западноевропейских редакций. Но главный врач запретил тревожить короля.

К подъезду больницы вышел посол Джунгахоры и с кислым видом показал текст телеграммы, которую он, по повелению короля, посылает в Джунгахору. Король требует немедленного освобождения Тонгаора.

Зато Тоню пришлось допустить к королю, иначе он отказывался прекратить голодовку и принимать прописанные ему лекарства.

Тоня была тоже в белом халате, в белой косынке, которая ей очень шла. Король после бурной вспышки ослабел. Он лежал навзничь, ему было очень жалко себя. Он смотрел на Тоню ужасно печальными глазами, так что у нее все переворачивалось внутри. И даже выдавшая виды няня-сиделка, принеся завтрак королю, уходя, обернулась в дверях и тяжело вздохнула:

— И что только капитализм с детьми творит! Неужто уж наши заступаться не будут?..

Тоня стала кормить короля с ложки. Конечно, он бы и сам мог держать ложку, но ему было так жалко себя, так приятно, что Тоня бережно подносит к его рту ложку с бульоном... Он не мог себе отказать в этом удовольствии. Уж на такое-то имел право король, тем более больной! Тут даже бы строгий Славка Несметнов не заругался.

— Ты, у-это, очень красивая, совсем очень красивая сегодня, — тихо говорил король, протягивая губы к ложке, не сводя с Тони глаз, — тебе так очень хорошо. Ты совсем как Бабашура была. Ты будешь доктор, когда вырастешь? Тебе хорошо идет. Когда будешь доктор, тогда приедешь, у-это, в Джунгахора, да? Будешь всех лечить. Мы будем там

устроить красивые больницы.

— Ладно, там поглядим, — строго отвечала Тоня, суя ему ложку в рот. — Ты помалкивай, не болтай много, опять температуру нагонишь.

А вечером пришел по телеграфу ответ от регента Сурахонга, который сообщал, что неблагодарный Тонгаор дерзко отклонил помилование.

«Ваше королевское величество, — ответил Тонгаор, прося передать его слова новому королю и всему миру, — я не могу принимать жизнь по милости королей. Жизнь мне может вернуть лишь закон, и единственный, кто имеет право творить этот закон, — народ. Я ни в чем не виновен и отказываюсь сам просить у кого бы то ни было милости, даже если она дарует мне жизнь. Пусть решает народ. Признаю только власть самого народа и до последней минуты буду бороться с властью над народом...» Видно, регент тут что-то схитрил и, скрыв от Тонгаора истинное положение, изобразил дело так, будто юный король готов даровать жизнь поэту, если тот сам попросит у него помилования.

И опять плакал маленький король, представляя себе, как томится непреклонный Тонгаор в королевской тюрьме, в глубокой смрадной яме, огражденной высокой стеной с гребнем, утыканным стальными иглами, которыми хотят окружить весь земной шар мерихьянго.

Посол Щедринцев объяснил, как мог, королю, который не очень понимал ответ Тонгаора и был даже обижен на него, что гордый поэт-коммунист не хочет просить милости, в то время как тысячи людей томятся в ямах. Поэтому он отказался, как предложил ему регент Сурахонг, подписать прошение о помиловании. Тонгаор требовал суда открытого и народного. Его и надо добиваться, пока не поздно. Король так устал и наплакался, что совсем обессилел и вскоре заснул.

А к вечеру к нему, несмотря на то что ее пыталась удержать дежурная сестра, ворвалась пробившаяся сквозь все заграждения, преследуемая главным врачом Тоня. Она рассказала о том, что только сейчас слышала по радио. Передавали, что весь народ Джунгахоры встал на защиту Тонгаора. Десятки тысяч людей двинулись стеной на стены королевской тюрьмы. И регент Сурахонг, чтобы как-нибудь утишить гнев и возмущение народа, вынужден был отменить казнь Тонгаора и объявить королевскую амнистию. Сотни людей уже выпущены из ямы на волю, а храбрый поэт-революционер выдворен из страны, и с ним выслана его семья, которую до этого не выпускали из Джунгахоры.

— Ой, Дэлька, Дэлька! — кричала Тоня и кружилась по палате.

И король, сбросивший с себя одеяло, катался и прыгал по койке. И оба они вопили: «Слоны — всем! В ямы — никого! Мерихьянго — вон!», пока не пришла Майя Лазаревна, не затопала на них, крича:

— Это еще что за цирк? Вы что, с ума сошли?! Будьте добры, Ваше величество, не безобразничать. Занимайтесь этим у себя во дворце в Джунгахоре, если вам угодно. Скачите там у себя на троне сколько желаете, а сейчас вы на моей территории и режим у вас, простите, постельный, а не королевский. Тихо сейчас же! Извольте подчиняться моим законам, уж будьте добры!

— И совсем, у-это, не так говорить! Надо не «будьте добры», а «пугти хатоу!» — не унимался король, хохоча. — А я вам тогда скажу, у-это: «Взигада хатоу!» Пришлось все-таки королю послушно улечься снова в постель.

На другой день в кабинете главного врача госпиталя и в присутствии посла Щедринцева, начальника лагеря «Спартак» и доктора Майи Лазаревны король дал небольшую пресс-конференцию приехавшим журналистам.

Но пусть об этом лучше расскажет один из присутствовавших на беседе с королем западных журналистов. Вот как он сам написал об этом у себя в газете:

«Король Дэлихьяр имел несколько болезненный вид после перенесенных им злоключений на море, но оказался вполне приветливым и хорошо воспитанным носителем

верховой власти. Юный король заявил, что предпочитает вести пресс-конференцию по-русски, так как почти забыл английский язык, а кроме того, ему хотелось бы, чтобы все слова его были понятны тем, кто проявил столько забот о нем. На груди короля, рядом с фамильным королевским амулетом с изображением солнца, луны и слона, мы заметили неправильной формы камешек со сквозным отверстием посередине, подвешенный на грубом шнурке. На вопрос, что обозначает этот медальон, король ответил, что это Куриный бог, который, по давнему преданию жителей Черноморского побережья, приносит счастье. Из этого можно сделать вывод, что во время своего пребывания в Советском Союзе будущий король подвергался воздействию различных влияний — не только коммунистического характера, но и, по-видимому, таких, которые связаны с существованием некоторых религиозных сект, в частности, бытующего в Крыму культа обожествленной курицы.

По нашей просьбе король изложил основы, на которых он собирается строить свое правление, если ему это удастся. «Если дядька позволит», — сказал король, имея в виду, должно быть, принца-регента Дамбиала Сурахонга, облеченного, как известно, всей полнотой власти до совершеннолетия юного короля.

— Какие у вас отношения с принцем-регентом? — задан был вопрос королю. Король в своем ответе был предельно лаконичен:

— Он мне дядька.

Вопрос. Были ли у вас какие-либо расхождения с ним, конфликты?

Король. Я ему облил в день Луны новый мундир краской, когда клеил ракету... нечаянно. А он думал, у-это, я так хотел.

От каких-либо комментариев король при этом воздержался.

— А еще другое я скажу потом, когда дядьке и всем его мерихьянго дадут по шапке, — добавил он после некоторого промедления.

(«Дать по шапке» — непереводаемое выражение. По-русски это значит: выдать всем шапки. Очевидно, намек на уход в будущем регента на пенсию коронного масштаба.) — Какими принципами вы будете руководствоваться, будучи королем Джунгахоры? — попросили ответить короля.

— Слоны — всем! В ямы — никого! Мерихьянго — вон! — последовал ответ.

При этом юный король выжидательно посмотрел на присутствовавшего на нашей беседе советского посла в Джунгахоре господина Щедринцева.

На вопрос, собирается ли он и каким образом мыслит в дальнейшем пополнить образование, король ответил:

— Учиться и королям пригодится! Так Юра-вожатый говорил. («Вожатый» — то же, что вождь. Кого имел в виду король, осталось неясным.)

— Какое вообще ваше любимое занятие? — спросил короля наш корреспондент.

— Ноздрить камешки, — отвечал король.

(Ноздрить камешки — известный лишь жителям Черноморского побережья способ наведения магического блеска на драгоценные камни.) На вопрос о том, как провел время король в советском лагере юных пионеров «Спартак», король сказал, что ему было очень хорошо, так как со всех сторон ему оказывали исключительное радушие.

— Велась ли какая-нибудь пропаганда? — спросили мы у короля. — Делались ли попытки разagitировать вас?

— Да! — воскликнул при этом юный король, оживившись. — Они научали меня управлять постель и собирать камни. Я много собирал камни. (По-видимому, речь идет об известной агитационной формуле коммунистов начала века: «Камень — оружие пролетариата»).

— Значит, вас все-таки агитировали, Ваше величество?

— Нет, — отвечал король, — я их сам аги-ти-ти-ровал (так произносит это слово юный король), за слонов аги-ти-ти-ровал. Я их все время, у-это, аги-ти-ти-ровал.

Король заметил, что, вернувшись к себе в Джунгахору, он представит к ордену Луны и Солнца директора лагеря «Спартак» и старшего Вождя. А пионерку Туосью (Антониду)

наградит орденом «Сердца Льва» за спасение жизни короля на водах Черного моря.

Королю был задан вопрос, собирается ли он согласовать эти свои решения с мнением принца-регента. После этого король заявил, что ему, как он выразился, кое-куда надо, и в сопровождении врача покинул присутствующих в направлении туалетной комнаты. Врач госпиталя, выйдя к нам, сообщил, что пресс-конференция окончена».

Ах, друзья мои, если бы все это была только сказка... Уж я бы сумел придумать для нее веселый конец с медом-пивом, которое бы и по усам, и по строкам моим текло, да и в рот бы попадало. Но что делать, в жизни не у всех историй пока еще веселые концы...

И стоит ли вам рассказывать о том, как на другое утро пришла за королем машина и посол Щедринцев вместе с бывшим послом Джунгахоры увезли Дэлихьяра на аэродром?..

Не хочу я подробно описывать, как расставались король и Тоня, не хочу печалить вас, да и сам, признаться, не желаю расстраиваться, а то совсем не мед и не пиво просочатся в строки моей повести. Расскажу только, что, когда собрались в тот день «спартаковцы» уже к отъезду своей смены, так как кончился ее срок, тяжело заныло, басовито зарокотало небо, и пионеры все выбежали из дач и палаток. И увидели они, как большой самолет, сделав круг над лагерем, покачал крыльями. Это был прощальный привет маленького короля своим летним друзьям.

А внизу, в углу одной из опустевших комнат большой дачи, уткнувшись в уже увязанный рюкзак, плакала большая девочка, которую никто прежде, до короля Джунгахоры, не называл Тосей.

Глава XX

Будьте готовы, Ваше величество!

Вот пока и все, что я имел право рассказать о принце Сурамбуке, ныне взошедшем на престол Джунгахоры под именем короля Дэлихьяра Пятого. Вот пока и все.

Пусть думают взрослые, что все это сказка. Пусть не верят, что Тоня Пашухина получила недавно письмо от короля с маркой, на которой было уже его изображение. И в письме этом король сообщал, что он не позволяет никому раскрывать на ночь, убирать и заправлять на день свою постель в спальне Джайгаданга и что он ввел у себя во дворце ежедневную утреннюю линейку для всех министров и придворных. Причем король приветствует свиту восклицанием: «Путти хатоу!» — на что все присутствующие придворные должны отвечать: «Взигада хатоу!» Король писал, что Тосе должны быть понятны эти слова, смысл которых остается таинственным для придворных.

Король писал, что рядом с амулетом Солнца, Луны и Слона он по-прежнему носит Куриного бога, а в праздники надевает красный галстук, право носить который на груди отстоял, хотя дядька-регент очень ругался.

Еще писал бедняга король, что ему очень-очень скучно в большом королевском дворце Джайгаданге, где триста сорок комнат и ни одного друга. Сообщал он также, что достиг еще большего совершенства в качании бровями, научил министра двора играть в «подстеночку» и украсил свои личные апартаменты полной коллекцией фотокарточек советских космонавтов.

Видно, никакие другие реформы королю Дэлихьяру провести не удалось. И я вам ничего больше сообщить до поры до времени не могу. Потерпите немного. Ждать осталось, я уверен, не так уж долго. Ведь в мире что ни час, то люди умнеют, и все больше тайн раскрывает человек в природе. Что ни день, то все меньше секретов будет таить человек от человека, народ от народа, и границы государств перестанут отсекай сердце от сердца.

Придет день, когда я вам раскрою тайну, как на самом деле называется страна Солнца и Луны — жаркая Джунгахора.

Я укажу вам точно ее место на карте, открою настоящее имя короля, и вы, возможно,

получите за все это лишнюю пятерку по географии, а может быть, и по истории.

Все еще будет хорошо! И утвердятся законы, которые пионеры вместе с королем записали на страницах школьной тетрадки в памятную лагерную ночь на берегу нашего Черного моря. Ведь наберется ума-разума не только Дэлихьяр, но — это самое главное — обретет силу народ Джунгахоры и возьмется делать свою жизнь на такой образец, какой ему покажется желанным.

И тогда уж будьте готовы, Ваше величество!

Ноябрь 1962 — июнь 1964